

А н д р е й
М и л о в а н о в

Над нами Бог,
в прощеньи
сила...

Андрей Милованов Над нами Бог, в прощеньи сила...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62777557

Над нами Бог, в прощеньи сила...:

ISBN 978-5-00165-141-3

Аннотация

Эпическая поэма с элементами гротеска и народного лубка продолжает тему «счастливого советского детства», откуда родом автор этого замечательного повествования. Исторический фон эпохи – демонстративное и агрессивное советское безбожие. Взросление героя книги проходит на историческом фоне предписываемой новым социальным мифом инициации – обязательной службы в рядах Советской армии. Здесь жизнь открывает ему новые грани, комические, трагические, лирические. Армейский опыт для героя – это не только перенесенные совместно серьезные испытания, но и проверка на прочность жизненных принципов и личных убеждений.

Андрей Милованов

Над нами Бог, в прощеньи сила...

Ноябрь месяц, холодает,
Ладонь снежинки принимает,
Теплом их пальцы согревают,
В руках хрусталики те тают.

Деревья уж припорошило,
Листва летит к ногам игриво,
Все лужи тонкий лёд забрал,
Кружит осенний карнавал.

А на душе моей тоскливо,
Прощаюсь с юностью уныло.
Природа молвит в унисон:
«Больна Россия, слышен стон».

Где уголок родной природы?
Русь-вольница, простор свободы?
Где двери Храма нараспашку –
Девчонка парню шьёт рубашку.

Рубахой всех ребят зовут,
А их душа – простор, уют,

Любовь, порядочность в глазах,
Россию носят на руках.

Я путь держу тропой ночной,
Во двор ведёт мой путь родной,
Снежком наш двор припорошило,
Всё здесь знакомо, всё так мило.

В беседке ждут меня ребята,
Носы повесили девчата,
Да, расставанья час печальный:
Есть вечер званный, есть прощальный.

Едой, вином наш стол накрыт,
Иконка во главе стоит.
Я по иконке догадался:
«Маманя принесла», – признался.

Вот из подъезда к нам спешит,
В руках её поднос дрожит,
На нём блины и пироги,
Компот из яблок, кураги.

Соседи все во двор выходят,
В беседку к молодым заходят,
У женщин мокрые глаза:
«С горшка мы помним огольца!»

Меня сердечно обнимают,

К груди своей всё прижимают.
«Как юность быстро пролетела», –
Соседка прошептала слева.

Морозец колкий нипочём,
Друг к другу все стоят плечом,
Бутылку водочки открыли,
В стаканы по сто грамм разлили.

Наш самый главный ветеран
Поднял наполненный стакан
За нашу родину – Россию,
За Мать Святую, за Марию,

За Бога нашего Христа,
За всех, лежащих у Креста,
За всех родивших матерей,
За наших славных сыновей!

Тост свой он первым огласил,
Достоинно выпил, закусил,
Затем припомнил старину,
Как дед с копьём спасал страну.

А ведь и сам на костылях –
Он ногу потерял в боях,
Фашистов люто ненавидел
И свет в тоннеле тёмном видел.

На жизнь свою он не серчал,
Бывали дни, так горевал
За всех друзей, что воевали,
За нас, что жизнь свою отдали.

Он вспомнил моего отца
Героя, славного бойца,
Сказал о маме пару фраз,
Расцеловал всем напоказ.

Наш дядя Коля оглянулся,
Нет коммунистов? Улыбнулся:
«Мы воевали не за них,
В бой шли за милых, за своих.

И ты, сынок, служи за нас,
За свет, улыбку милых глаз,
За мать, сестёр и за друзей,
Что ждут нас с хлебом у дверей».

Все выпили и закусили,
Девчата тихо загрустили.
Встаёт соседка, говорит:
«Мир на костях давно стоит!

Господь нам даровал планету,
Послал людей по белу свету,
Землёй народы наделил,
Природой щедрой одарил.

Все жили в мире и достатке,
Всё было у людей в порядке,
Не знали дрязг и воровства,
Страдали лишь от колдовства.

Да, колдовство и вороженье
В воде, как лика отраженье,
В него плюёшь, летит обратно,
Неужто это не понятно?

В России Бог дал всем сполна,
Земля, богаты закрома,
Ивана, Марью дал для рода,
Всё для славянского народа.

И что ни двор, то мастерская!
Кипит работа в них лихая,
Кому иглу, кому-то пушку,
Кому-то шапку на макушку.

Кому-то сладкий каравай,
Кому-то крышу на сарай,
Кому подкову на копыто,
Кому-то новое корыто.

Там шьют рубашки, шаровары,
Там слышим молота удары,
Гончарный круг вдали скрипит,

И крынка на вратах висит.

Под вечер, под ночной покров
Корзины вяжут для грибов.
Удили, леска, как смычок,
Для рыбы точат там крючок.

Там жемчуга и там сапфиры,
Чайные там стоят, трактиры,
Там парикмахер-чародей,
Стрижёт и бреет всех мужей.

Не нужен детям там хомут,
Учиться в церковь все идут,
Поклон на паперти Святому,
Три раза Крест, Ему, родному.

В народе старших уважают,
Детей так просто ублажают,
В почёте также молодые,
В своей работе удалые.

В России жизнь – так просто пьеса,
Крамоле здесь всегда завеса,
Нет здесь скандалов, нет льстецов,
Нет откровенных подлецов.

Вдруг ругань здесь произойдёт,
Старейшина на суд придёт,

Он разъяснит всем мировую,
Запишет в книгу домовую.

Землёй Россиюшка богата,
Всем – по труду, в заслугу плата,
Земля нам, русским, всем в награду,
Алмазы есть, металл, всё кряду.

И кормит нас, и одевает,
Рождает нас и провожает,
Зимой на метр промерзает,
Теплом нас летом согревает.

Народ наш Русский – идеал,
Иисус Христос нам землю дал,
На ней лежит Его рука,
А значит, дал нам на века.

Есть за границею крамола,
Сильней змеиного укола,
Варяги сходят все с ума:
«Полны у Русских закрома.

У них там праздник, карнавалы,
У нас для пыток лишь подвалы,
У них есть повод к размноженью,
У нас лишь казни, к сожаленью.

У них есть Бог Иисус Христос,

У нас смутьян есть ортодокс,
В России жирно всем живётся,
От этого нам и неймётся.

Пора Россию захватить,
На всех земельку поделить,
Всех подчинить своим законам,
Стандартам нашим, эталонам.

Как жить спокойно, нужно знать:
Все недра из земли забрать.
Негоже Русскому народу,
Жить на земле себе в угоду.

Зачем у Русских покупать,
Когда всё можно просто взять,
А если так не отдадут,
Пойдёт по спинам Русским кнут...»

Воображение больное,
Что есть в мозгах, давно гнилое:
В России просто так забрать,
Так можно кости поломать!

В России можно так споткнуться,
Что не успеешь оглянуться!
Дамоклов меч над головой,
Бежит варяг к себе домой.

Хочу я выпить за тебя,
Ты – наше Русское дитя,
Служи и помни про отца
Героя, смелого бойца.

Ты мать и нас не забывай,
Почаще письма присылай,
Крест на груди всегда с тобой,
Над головой твоей – Святой».

Соседка рюмку вверх подняла,
«Ура!» на двор весь закричала,
Соседи дружно подхватили
И разом всех перебудили.

Народ к беседке потянулся,
От звука что тогда проснулся,
Не нужно их учить приличию:
Несут закуску, по обычаю.

Идут вальяжно и зевают:
«Кого, скажите, провожают?»
Все взгляды тут же на меня,
Наш двор – единая семья.

Все вспоминают: «Парень бравый,
Он работающий, разум здравый,
Таких ребят враг не пройдёт,
В бою сынок не подведёт!»

В беседке ночь, меняют свечи,
Народ хмельной толкает речи,
И стар, и млад, все за столом,
Не пьют в России за углом.

Наш дядя Федя, дворовой,
Трясёт лохматой головой:
«С тобою жалко мне расстаться,
Хотел тебе я здесь признаться,

Помощник в деле ты умелый,
В любой работе парень смелый,
Просить помочь тебя не нужно,
Прошёл со мной ты детство дружно.

Здесь заливали мы каток,
Там – для старушек уголок,
Вот горка, рядом с ней качели,
Девчонок визг на карусели.

Грибок в песочницу вкопали,
Чтоб детки под дождём играли,
Скамейки мы же сколотили,
Там вечерами пиво пили.

А помнишь, как кусты сажали,
Деревья рядом прикопали,
Теперь у дома палисадник,

Для всех влюблённых – это праздник.

Весной наш сад благоухает,
Цветёт в нём всё и подрастает,
А яблонь цвет стучит в окно,
Да так, что вечером светло.

Там роз, шиповника не счесть,
Колюч кустарник, не пролезть,
Захочешь розочку сорвать,
Не бойся руку разодрать.

Машину помнишь дяди Коли,
Стоит что рядом на приколе?
Её толкали всем двором,
Не завелась, смеялся дом.

Рекс бегал рядом, пёс дворовый,
Он с виду лишь такой суровый,
На дружбу лаской отвечал,
И руки преданно лизал.

Два года быстро пролетят,
Нам не забыть твой добрый взгляд,
Тебя ждать будем с нетерпеньем,
Да, время – час, летит мгновеньем».

Заплакал Фёдор, выпил рюмку,
Затем на стол поставил сумку,

Он ручку из неё достал:
«Пиши нам письма», – мне сказал.

Маманя Фёдору платочек:
«Возьми, протри слезу, милочек,
Идёт сыночек мой служить,
Должны мы честью дорожить.

Страну в войне мы отстояли,
В нас немцы-сволочи стреляли,
Мы грудью за Отчизну встали,
И страха мы тогда не знали.

Россию им мы не отдали,
Хотя на части нас всех рвали,
И дети нас не посрамят,
Всегда Россию отстоят!

Давайте вспомним тех ребят,
Неоперившихся солдат,
Себя в бою что не щадили,
Жизнь за Россию положили!»

И молча подняли стаканы,
А на душе и в сердце раны,
Соседи павших поминают,
Их сыновья не отпускают.

У всех людей в семье потери,

Дома Москвы тогда редели,
Слёз от беды разлилось море,
Сплотились все в едином горе.

Девчата наши хохотушки,
У них весёлые веснушки,
Всем неразборчиво гласят:
«Как жалко нам своих ребят,

Им нужно жить ещё, учиться,
Нам с ними бегать, веселиться,
Влюбились мы в тебя все вместе,
Как усидеть теперь на месте!

Тебе бы счастье выбирать,
Одну из нас в семью забрать,
Теплом и ласкою покрыть,
Детьми бабулю наградить.

Да, завтра грусть наш двор накроет,
Листву и травку снег покроет,
Тебя два года не увидим,
Мы эту службу ненавидим.

Давайте тост за жизнь поднимем,
Мы все сейчас тебя обнимем,
К груди тебя своей прижмём,
Два года крепко подождём!»

Ко мне девчата подбежали,
Лицо моё расцеловали,
Все вместе мы затем обнялись,
Им всем обидно, мы расстались.

Не спеть сегодня нам невесте,
Глаза девчат на мокром месте,
Жизнь нашу нам не изменить,
Должны простить и проводить.

Смотрю, спешит к нам участковый,
Мужик он крепкий и фартовый,
Семён Иванович, капитан.
Мать подала ему стакан:

«Держите, ночь уж на дворе,
Скажи вчерашней детворе,
Как службу в армии им править,
Россию смелостью прославить.

Семён Иванович наш, видный,
Для нас, простых, он безобидный,
Для хулигана и рвача,
Летит отдача от плеча.

Его в округе все боятся,
Ликуют дети, им гордятся,
Гроза затворникам закона,
В округе нет у нас притона».

«Всегда у нас благополучно,
Нет, не бывает в доме скучно,
Девчата, парни все при деле,
Бывает скучно мне в отделе.

Да, был у нас один момент, –
Сказал Семён нам аргумент, –
Кота бездомного гоняли,
Двор слушал весь, как вы кричали.

К соседу в форточку запрыгнул,
Раз семь от злости он мурлыкнул,
Пошла звенеть об пол посуда,
Хозяин тот, ох, был зануда.

Писал раз пять он заявление,
Моё испытывал терпение,
Должны купить ему посуду?
Послал к чертям тогда паскуду!

Кота поймал, принёс к соседу,
Возьми, принёс тебе к обеду,
Посуду он расколотил,
Поймал, тебе его всучил.

Тарелку он пусть купит, чашку,
Стакан пусть склеит и рюмашку,
Пусть ручку к чайнику прикрепит,

Дыру в кувшине пусть залепит...

Я пью за армию родную,
За дружбу нашу боевую,
Я верю, ты прославишь двор,
Никто не выскажет укор!

Девчонки, посмотри молодки,
Как на подбор они красотки,
Ждать вас из армии им честь,
Прошу я это всем учесть».

Он выпил за моё здоровье,
Фуражку снял на изголовье,
Негромко арию запел,
Служить, как в море, преуспел.

И песнь соседи подхватили,
Они все в армии служили,
В походы, в море кто ходил,
Кто пушку по полю катил.

Девчата также не терялись,
Все пели и со мной прощались,
Двор потихонечку гудел,
Увидел в небе я пробел.

Час мой пробил, пора прощаться,
Со всеми начал обниматься,

Всем дворовым я дал понять:
Меня не нужно провожать,

Прекрасно знаю я дорогу,
Зайду в наш Храм, спасибо Богу,
Вратам поклоны я отдам,
Не плачь, я вижу, слышишь, мам...

Слеза из глаз её пошла,
Ко мне тихонько подошла,
К груди своей меня прижала,
В чело три раза целовала.

«Ты береги себя, сыночек,
Мой ты последний голубочек,
Пиши, не забывай родных,
Не обижай людей чужих.

Мы будем по тебе скучать,
Тебя я очень стану ждать,
А если что с тобой случится,
Я к Богу, за тебя молиться.

Теперь ступай, твоя дорога,
Не обернись ты, ради Бога,
Здесь я с народом посижу,
Тебя глазами провожу».

В глазах её опять слезинки,

Пошёл в наш парк я по тропинке,
Все со своих поднялись мест,
Мать в спину мне три раза Крест.

Мне спину Крест тройной согрел,
Я обернуться не посмел,
Мне тайну Бог давно открыл,
Крест на дорогу наложил.

На плечи я надел рюкзак,
Затем бегом, через овраг,
Вприпрыжку в горку поднимаюсь,
Взглянул на пруд – и с ним прощаюсь.

Парк наш... Ступаю на тропу,
Небыстро к Храму я бреду,
Осенний парк стоит в тиши,
Ночь, в парке нашем ни души.

Дошёл до детства утешения,
Храм наш стоит во искушение.
Снежок я с лавочки убрал,
Крест из-под куртки свой достал,

На паперть поднимаюсь я.
Храм здесь построили не зря,
«Знамение» в честь Святой Марии,
Нарышкиных здесь всех крестили.

А рядом княжий особняк,
Он на горе, венчает парк,
Подъезд парадный и фонтан,
В аллеях дерево, каштан.

Был раньше Кунцевский уезд,
На службы всей деревней съезд,
Детишек в Храме здесь крестили,
По выходным их в нём учили.

На Пасху, Свято Воскресение,
Округой всею поклонение,
Молебен в полночь, Крестных ход,
Народ за батюшкой идёт.

Стою пред ним и понимаю,
Себя в душе я утешаю,
Мне с Храмом нужно разлучиться,
Сегодня нужно нам проститься.

Два года – всё ж приличный срок,
Мне преподаст Господь урок,
Есть в жизни горечь расставанья,
Обьятья встречи, есть свиданья.

Я к храму руки поднимаю,
Как будто Бога обнимаю.
Знамение облака пробило,

У ног моих горит Святило.

Под луч я радужный зашёл,
Свет в душу, в тело мне вошёл,
Меня в тот час всего согрело,
Сердечко в такт моё запело.

И Храм врата мне отворил,
Меня нисколько не смутил,
Со светом в Церковь захожу,
Развалин в ней не нахожу.

В зал я вошёл, стоят иконы,
Со свечками висят плафоны,
Огромный Крест стоит с Распятьем,
Святая Мать, рука с запястьем.

Нет ни души под сводом Храма,
Я, Бог и с ним Святая Мама,
Луч света, что с небес упал,
Крест мой нательный целовал.

Стоял напротив двух Светил,
За маму, за семью просил,
Просил за двор наш, за людей,
Вернуться чтоб, просил, скорей.

Тогда ответили Святые:
«Мы тоже были молодые,

Нелёгким был наш с Богом путь,
Ухабы были, не свернуть.

Дорогу мы не выбирали,
Где радость, где беда, страдали,
Мы никогда в пути не ныли,
Есть ноша – мы её тащили.

А ноша наша – этот Крест,
Мы за людей несём, как перст,
В дороге чуть передохнём,
Встаём и вновь его несём.

На радость мерзкому Иуде
Народ ваш сбросил Крест! И в блюде
Проблемы с плеч своих долой,
Закрыли Храм, ваш дом родной.

Крест уж не давит вам на плечи,
Забыли вы, как меркнут свечи,
Народ, что предков позабыл,
Сам Веру в нас в себе убил.

Задача ваша непроста,
Живёт народ ваш без Креста,
Есть шея, цепь, на ней кулоны,
«Отцы народа» – эталоны.

Чертей в России вы признали,

Кресты пред ними разом сняли,
«Хомут, – кричали, – с наших плеч!»
Теперь висит над вами меч.

Когда вы Храмы закрывали,
Свою вы Святость потеряли,
Из церкви Русской вы ушли,
Иконы с Матерью сожгли.

Когда вы «гимн страны» запели,
На небе мы осиротели,
Ни слова о земле Святой,
Чёрт-Ленин с вами молодой.

К тебе, наш раб, сейчас взываем,
В тебя мы верим, уповаем,
Служа земле, служи и Богу,
Свет озарит тебе дорогу.

Ты крестик с шеи не снимай,
На знак с Иудой не меняй,
Крест – путеводная звезда,
Пройдёт тропой чужой беда.

Да, трудно будет, не скули,
Ты Крестик свой в руке сожми,
Подашь нам знак, и мы придём,
Беду руками отведём.

Ступай к Распятью, обними,
Себя затем перекрести,
Нам поклонись, порогу Храма,
Не видишь в Вере нашей срама».

К Кресту с Распятьем подошёл,
Ступеньки вверх, на них взошёл,
Обнял, согрел своим теплом.
«Прости людей за Храмов слом, –

Распятью тихо прошептал,
Опять Его в объятия взял, –
Прости, прости, спаси людей,
Злой мир наш станет чуть добрей».

Спиной тихонько отхожу,
Глаз от Христа не отвожу,
Три раза Крест Ему отбил,
Вдруг церковь кто-то осветил.

Вокруг меня зажглися свечи,
Луч освятил мой Крест и плечи,
Увидел я Святой амвон,
Ему отбил тройной поклон.

Я вышел, вновь перекрестился,
С распятьем в Храме я простился,
Дверь позади меня закрылась,
И тьма на улицу спустилась.

Стою и вижу Храма паперть,
На ней от снега сырость, слякоть,
Ну вот, мне нужно поспешить,
Пора прощаться, уходить.

Закрыв глаза и поклонился,
В поклоне с Храмом я простился,
Присел на лавку на прощанье.
«Вернись, дождись», – дал обещанье.

Вот под ногами мёрзлый грунт,
Держу я путь на сборный пункт,
В клуб, что «Заветы Ильича»,
Куда ни плюнь, там саранча.

Ну что он мог нам завещать!
Людей как Русских истреблять,
Как Веру убивать в народе,
Молиться как его породе.

Его заветы – это бред,
В России лживый тёмный след,
Россию Ленин не любил,
Он в людях Веру всю убил.

Любить без Веры невозможно,
В России до сих пор тревожно,
Как жить и тут же ненавидеть,

Искры в глазах Святых не видеть!

Для Ильича до самой смерти,
Святыми были только черти,
Народ наш тёмным он считал,
С трибуны он на всех плевал.

Любил Володя словоблудие,
Народ в руках его орудие,
Гласит с балкона иль крыльца,
Натравит сына на отца.

В местах, где наш Ильич болтал,
Читал где Маркса «Капитал»,
Таблички с именем прибили,
И это место застолбили.

Я прибыл, к клубу подхожу,
На стены, здание гляжу,
Читаю: «Путь наш – в коммунизм!»
В стране сплошной анахронизм.

Народу там уже полно,
Неважно, что ещё темно,
Поют все, пляшут, выпивают,
Детей с гармошкой провожают.

«Ах, как родная мать рожала», –
Частушку женщина кричала,

Там пели разом: «Аты-баты,
Зачем Иван пошёл в солдаты?»

«Не плачь, девчонка, – хором пели, –
Промчатся белые метели,
Прольют осенние дожди,
Солдат вернётся, только жди!»

У нас, у Русских, обиход:
На праздник, иль в войну, в поход,
Тальянка с песней удалой,
Гремит, звучит над всей страной.

Здесь и вино, здесь и закуска,
Стакан налит, налита кружка,
Вокруг все люди породнились,
Бабули за внучат молились:

«Даст Бог, тебя дождусь, родимый,
Придёшь из армии красивый,
В парадной форме и фуражке,
С ремнём, начищенный, при пряжке.

Значки, медали на груди,
Мальчишки скачут впереди,
Цветы под ноги вам девчата,
За армию родным всем плата».

Ну, всё, команда: «Становись!»

Родным от клуба разойтись!»
Мы встали, две шеренги в ряд,
Сержант считает всех подряд.

Автобус быстро подкатил,
Призыв в себе он разместил,
Родные в окна к нам стучатся,
Рукою взмах, пора прощаться.

Я занял место у окошка,
Мне не впервой, посплю немножко,
Куда – не знаю – повезут,
Когда приедем, позовут.

Вот пункт наш сборный, городской,
Кричит «Подъём!» нам рядовой,
От крика этого проснулись,
К дверям с вещами потянулись.

Выходим. Тут же офицер
Подтянут, стройный, нам – пример.
«В строй, в две шеренги становись,
Быстрее по росту разберись!»

Теперь солдатская привычка,
В строю по списку перекличка,
Ты должен громко крикнуть: «Я!»
Мы все теперь одна семья.

Затем на плац в строю движенье,
Ждём генерала выступленье,
В глазах у всех ребят тоска,
Кому нужны сейчас войска.

А плац забит призывниками,
Из школ Москвы выпускниками,
Вчера мы с партами простились,
Сегодня здесь все очутились.

У офицеров здесь волнение,
Ждут генерала появление,
Команду «Смирно!» прокричали,
Ребята сразу замолчали.

Вальяжный, грозный генерал,
Речь нам трибунную держал,
Что наша армия незрима,
В любой войне неуязвима.

Нас не застать теперь врасплох,
Он вспомнил про последний вздох,
Припомнил битвы и сраженья,
Министра вспомнил наставленья.

А дальше – всё как из кино,
Отдельный вклад Политбюро,
ЦК забота и народа,
Он вспомнил маршалов оплота,

Привет от генсекретаря:
«Он подписал приказ не зря,
Ему из штаба всех видней,
Нет нашей армии сильней.

И ночь, и день вождю неймётся,
Об армии родной печётся,
От нас он слушает доклады,
Ему мы армией всей рады.

Прошу сегодня здесь учесть,
Рекомендую всем прочесть
Брошюру «Малая Земля»,
Нетленный труд секретаря.

В той книге всё он описал,
Как в бой ходил, удар держал,
Как на привале все курили,
Как немцев гнали из России.

Сегодня нужно кинуть клич:
Спасибо, Леонид Ильич!
Страну в войне Вы отстояли,
Врагов с земли Святой прогнали...»

Я здесь стою, не понимаю,
Зачем попал сюда, не знаю,
Все речи помним наизусть,

Тоска пробрала меня, грусть.

Закончил оды генерал,
Вождем всем здравицы кричал,
Гимн прозвучал нам на прощание,
Ушли чины на совещание.

Сержант команды подавал,
Нас завели в огромный зал,
Народу тьма, как наваждение,
Мы стали ждать распределение.

«Приехали», – кричат купцы –
Морфлот, десант и погранцы,
Идут и пряжками блестят,
Ребят к себе забрать хотят.

За ними лётчики, танкисты,
Пехота и артиллеристы,
Ребят медкарты проверяют,
По росту крепких выбирают.

Мой организм уже устал,
Ночь напролёт я и не спал,
Подумал, если я усну,
Враг не объявит нам войну.

Забрался в дальний уголок,
И понял, что не одинок,

Ребята спят, вот это сила,
Ночь всех бессонная скосила.

Я к ним на лавочку присел,
Сосед уже давно сопел,
Глава моя вниз наклонилась,
Душа не в теле, с ним простилась.

Мне снится Русская стихия,
Мне снится матушка-Россия,
Мне снятся мама и отец...
Смотрю, стоит вдали мудрец.

Его я сразу замечаю,
Глаз от него не отрываю,
Пытаюсь к мудрецу пройти,
К нему нет лёгкого пути.

Путь первый – лес непроходимый,
Второй – болото, топь, противный,
Путь третий – сказочная Русь,
К нему иду я, тороплюсь.

Пройти путь первый – потрудиться,
Второй пройти – не утопиться,
Меня путь третий соблазняет,
Путей же лёгких не бывает.

«Что выбрал ты? – спросил мудрец, –

Начало где найдёшь? Конец?
Есть три дороги, выбирай,
Есть лес, болото, есть и рай».

Я начал думать, где идти,
Как к мудрецу скорей пройти,
Дороги три и три пути –
К Святому как быстрее дойти?

Святой мне в детстве дал понять,
Как путь свой в жизни выбирать,
Есть мягкая постель, кровать,
Вот только жёстко будет спать.

Есть рай с любимой в шалаше,
Вот только ходишь в неглиже,
Есть милой голубые глазки,
Есть гладкий путь, но он из сказки.

Я всё же Русский человек,
С Россией связан я навек,
Я выбрал Русь, её дорогу.
Мудрец стоит, молюсь я Богу,

Иду. Пригорки на пути,
Ухабы, нужно их пройти,
Извилистой пошла дорога,
Прошу опять помочь я Бога.

За пядью пядь пути прошёл,
Ко мне Мудрец сам подошёл:
«Здесь нужно нам остановиться,
С дорогой пройденной смириться».

Дорога жизни – непростая,
Есть линия, а есть кривая.
Твоей Бог жизнью дорожит,
Твоя дорога вдаль бежит.

Ещё не раз в пути споткнёшься,
Затем вновь встанешь, отряхнёшься,
Да, это путь тебе родной,
Уж восемнадцать за спиной.

Россия вас себе взрастила,
В тебе есть удаль, есть и сила,
Нельзя в беде её бросать,
Россию нужно защищать.

Когда ты видел три дороги,
В лес не свернули твои ноги,
В болото также не пошли,
В Россию-матушку пришли.

Враги дорогами не спят,
И зависть с головы до пят,
В России жирно всем живётся,
Забрать добро у них придётся.

Забрать так просто не дадут,
Тогда они войной пойдут,
Получат, знают, по зубам,
Бегут вояки, стыд да срам.

Поверь мне, раб, моим словам,
Взор брось ты свой по сторонам,
В земле богатства кладовые,
Все избы ваши расписные.

Нужды в России просто нет,
Приходит праздник к вам в рассвет,
От Бога вам по повелению,
Работа в радость населению.

Людьми в России вы гордитесь,
Работать тяжко не боитесь,
Свою вы Святость бережёте
И Крест на шее свой несёте.

А если кто-то упадёт,
Свой груз домой не донесёт,
Из всех углов к нему бежите,
Кричите: «Две руки держите!»

Поверь, Россия – это царство,
Земля – огромное богатство,
Вас и накормит, и взрастит,

Детей на радость народит.

А в детях ваших всё убранство,
Огромное на вас хозяйство,
От деда к сыну, затем к внуку,
Вам Бог преподаёт науку.

А как церквями вы богаты,
Святые смотрят, все вам рады,
Они о вас всегда в заботе,
В душе у вас и на работе.

У вас мужик, в плечах так сажень,
В главу стола всегда посажен,
Девицы, просто загляденье,
Чай подают, к нему варенье.

Святая в чашке той водица,
Как детям здесь не народиться,
Нам в радость слышать детский смех,
В Святой России он для всех.

Христу вы тем же отвечайте,
Любите всех, не обижайте,
Крест с Ним на шее, на груди
Всегда несите впереди.

Пришёл твой срок стране служить,
Любовью нужно дорожить,

Служи России всей душой,
Над головой твоей – Святой.

Дорога жизни – верный путь,
Вот в жизни главная вам суть,
Из Храм в Храм она ведёт,
Она вам силы придаёт.

Святой дорогой ты идёшь,
Ты силу, смелость обретёшь,
Стеной ты встанешь пред врагом,
Незваного непустишь в дом.

Ступай дорогу охранять,
Нельзя врагу её отдать,
Крест никогда свой не снимай,
Ты видишь Русь, а это рай».

Гляжу на спину мудреца,
Меня ведёт вперёд, юнца,
Миг! И доносится: «Подъём!
К купцам приедем на приём!»

«Эй, парень, ты чего там спишь,
Служивый, ты никак шалишь?
Считай, наряд уже схватил, –
Меня сержант предупредил. –

Сходи в ту дверь, возьми метлу,
Ступай спать дальше по двору».
Я взял метлу, пошёл во двор,
Навстречу капитана взор:

«Куда путь держите, курсант?» –
Спросил меня купцов десант.
«Устал, посмел немного спать,
Иду во двор я пыль гонять».

Фамилию, как звать спросил,
Меня в блокнот он поместил.
«Ты окажи мне здесь услугу,
Ступай гонять свою пылюгу».

Махнул отчаянно рукой,
Мужик он вроде неплохой,
На внешний вид он весь опрятный,
Его поступок мне понятный.

Меня в блокнот он свой занёс,
Блокнот в карман, с собой унёс,
Неужто в середине дня,
Взор кто-то бросил на меня.

Во двор я вышел, стал мести,
А в голове: «Мой Бог, прости,
Уснул не вовремя, устал,
Меня сержант сюда послал».

Здесь я усталость заметаю,
Мету снежок и напеваю:
«Ой, снег, снежок, белая метелица,
Говорил, что любит он, только мне не верится».

Мотив тот создаёт уют,
Как снег увидят, все поют,
А песня больно хороша,
Мету снежок я не спеша.

Мой ненавязчивый мотив
Создал в природе позитив,
Луч солнца осветил наш двор,
Где я сметаю свой позор.

Солдат сидит на лавке, смотрит,
С моей метёлки глаз не сводит,
Затем вальяжно говорит:
«Эй, молодой ты паразит,

Не так метлу в руках ты держишь,
Метёшь не так, ты всё заснежишь,
И очень медленно метёшь,
Ты за метлой своей заснёшь».

Ответ он долго ждать не стал:
«Ты покажи, – ему сказал, –
Как нужно правильно мести,

К чему здесь языком трясти».

Солдата чем-то я задел,
Ко мне он быстро подлетел,
Открыл свой рот, сказать не может,
Метла в руках тебе поможет.

Ему метлу свою всучил:
«Ну, покажи, как ты учил,
А я на лавке посижу,
На труд учёный погляжу».

«Ты что! – в ответ кричит солдат. –
Ошибся ты, наверно, брат!»
Ему я тоже возразил:
«Меня мести ты сам учил.

Давай, давай, мети, браток,
А я посплю ещё часок!»
Метлой он поражает тело,
А я ему леща, за дело.

Он мне: «Салага обнаглел!»
А я его опять нагрел,
Рукою по спине шлепок:
«Давай, давай, мети сынок».

Спинной удар не рассчитал,
Дар речи парень потерял,

Сказать он что-то хочет мне,
А сам как будто бы во сне.

Метёлку я ему поправил,
Куда мести его направил:
«Учить народ любой мастак,
А, как работать, сам дурак».

Опять он что-то мне хрипит,
Метлу поднял и мне грозит,
Удар ему опять под дых:
«Я, брат, к такому не привык».

Метлу он бросил, убежал,
Подняв её, я продолжал,
Наряд за сон свой отбывать,
Работать мне не привыкать.

Минут так пять двор подметал,
Под нос я песню бормотал,
Вдруг высыпается пехота,
Подрасться, видимо, охота.

А с ними дядька Черномор,
В зубах сигарка «Беломор»,
Ушанка-шапка набекрень,
И важный, как во льдах тюлень.

За ним вприпрыжку три солдата,

Ума неполная палата,
В карманах руки замерзают,
В бильярд руками в них играют.

«Ты брата нашего обидел,
Ты службы в армии не видел,
Закон армейский ты нарушил,
Ты кодекс чести здесь обрушил.

Теперь тебе держать ответ,
Прощений, снисхождений – нет,
Тебя немного мы поучим,
Глядишь, чему-то и научим».

Пижон-вожак нахмурил брови,
Кулак он сжал и приготовил,
Размах рукой, я увернулся,
Ну, и вояка промахнулся.

Врага победы ждать не стал,
Кулак я свой покрепче сжал,
Есть молот, есть и наковальня,
Есть тело, в коем нет сознания.

Упал боец, сражённый пулей,
Пехота налетела бурей,
Меня солдаты окружили,
Тем самым гнев мой пробудили.

Я взял метлу: «Ну что, давайте,
Лежит бедняга, выручайте».
Пошёл их по двору гонять,
Зачем уродам уступать?

Смотрю, крепыш ко мне бежит,
От холода чуток дрожит:
«Один ты парень, а их пять,
Давай спиной к спине стоять».

И понеслась пурга лихая,
Есть сила в теле удалая,
Кулак пошёл по головам,
Мы слышим стоны тут и там.

А мой заступник, молодец,
Пошёл месить дурных овец,
Удары только отлетают,
Зачем шли в бой, не понимают.

Удар я влево, затем вправо,
Мой разум с восхищеньем: «Браво!»
Тут Черномор пытался встать,
Я кулаком ему: «Лежать!»

Пыл нападающих сломили,
Ребят мне жаль, мы их побили,
Лежат brutальные герои,
У них, у всех, в крови побои.

Картина «Куликово поле»,
Врага мы обделили в доле,
Наука впрок мне не пошла,
Лежит солдат, а с ним метла.

Я парню руку протянул,
К плечу его главой примкнул:
«Спасибо, Русский человек,
Тебя я помнить буду век».

«Да, что ты!» – он мне говорит,
Лицо румяное горит. –
Увидев твой неравный бой,
Я тут же встал к спине спиной.

Ты лихо их метлой гонял,
С асфальтом ты ребят сравнял,
Да ты б один их уложил,
Тебе я просто удружил.

Несправедливость не люблю,
А драки – просто не терплю,
Но здесь один ты, а их пять,
Несправедливо, дал понять!

Я в детстве боксом занимался,
Противника побить старался,
А может, он меня побьёт,

Поднимет, руку мне пожмёт.

Мы люди всё же, а не волки,
Нам жертву рвать, так нету толку,
Мы человеческой породы,
А это нелюди, уроды.

Вот тот, что первым подошёл,
В себя он так и не пришёл,
Ему досталось меньше всех,
Зато друзей подбил на грех.

Он очень острый на язык,
Друзей использовать привык,
Лихая слава атамана
Свалила с ног его, барана.

Лежит теперь и ждёт развязки,
В уме придумывает сказки,
Расскажет он затем глухим,
Как бился с ворогом лихим.

В бою кулачном не мастак,
Ударил головой кулак,
Глаза в тот миг с душой простились,
Под лоб широкий закатились.

Прибудет скоро к нам наряд,
Глаза откатятся назад,

Он встанет сам и отряхнётся,
Затем ехидно улыбнётся.

С тобой нас в карцер под арест,
Увидим мы решётки крест,
А он уйдёт, как не бывало,
Эх, жалко, дали ему мало».

Мой друг сквозь зубы проскрипел,
Наряд военных подоспел,
Кричат: «Кто драку здесь устроил?
Охрану кто побеспокоил?»

Военный, в драке что лежал,
Встал и сердито так сказал:
«Берите этих в оборот,
Пусть плац вон чистят от ворот».

«А эти что лежат бойцы?
Их что, побили те юнцы? –
Спросил начальник караула. –
Вы не бойцы – карикатура.

Пять тел побитых диверсантов,
От рук молоденьких курсантов,
Не мужики, одна разруха,
Пошли курсанты, бляха муха».

Повёл он нас в комендатуру,

На нас он смотрит, на структуру:
«Не по годам сильны ребята, –
Сказал, – готовых два солдата».

«За что, – спросил, – вы их побили?
За что на плац всех положили?
Побить за что хотели вас,
Скорей начните свой рассказ!»

Мы шли, дорогу всю молчали,
Язык зубами зажимали,
Мы плакать в тряпку не привыкли,
Давно глаза от слёз отвыкли.

Мы знали, жалоб здесь не любят,
Язык под корень взглядом рубят,
Есть подлость, зло – на стороне,
Добро и правда – всё в тебе.

Пусть сотню раз ты будешь прав,
Ты должен усмирить свой нрав,
Рассудят сами командиры,
У них казённые мундиры.

Мы здесь, курсанты, просто пешки,
На шахматной доске орешки,
Куда покажут, мы пойдём,
Что скажут, то и принесём.

Нас привели в комендатуру,
Начальник доложил фактуру:
«Бойцов побили по лицу,
Лежат бедняги на плацу».

«А сколько там бойцов лежат?»
«Шесть вроде было, на мой взгляд!»
«И эти двое пацанов
Избили шесть твоих орлов?»

«Да, – отвечает караульный, –
И вид вполне у них культурный,
Солдат осанка подвела,
У этих сталь, а не тела.

Они, как горных два орла,
Повадка, доблесть, как у льва,
Не по годам у них и силы,
А руки, кулаки – громилы.

Такой лишь только попадёт,
Так память тут же отшибёт,
А если он ещё ударит,
То к Богу душу он отправит».

«Вы нехорошие мерзавцы,
Что будем делать с вами, братцы?» –
Спросил угрюмый капитан,
Воды налив себе стакан.

Он воду пьёт и рассуждает,
Его от холода шатает:
«Пошла сегодня молодёжь,
По морде даст, не унесёшь.

А эти хилые уроды,
Какой-то мелочной породы,
Дунь в спину – ветром унесёт,
В лицо посмотришь – упадёт.

Да, шесть бойцов уж год как служат,
С мозгами, головой не дружат,
Здоровья, силы никакой,
Пошли толпой на мордобой.

Им нужно голову исправить,
Здоровье и мозги поправить,
Физподготовка каждый день
Им отобьёт на службе лень.

Вот эти парни, два юнца,
Готовых, так сказать, бойца,
Злой стаи волчьей не боятся,
Неважно с кем и как кусаться.

Ну что, выносим приговор, –
Сказал начальник, прокурор, –
Тебя отправим в десантуру,

Там увеличишь ты фигуру,

Тебя отправим напоказ,
В войска наземные осназ,
Найдут в войсках вам примененье,
Не будет к дракам вам стремленья.

Дам всем сейчас и здесь я знать,
Ту драку на плацу замять:
Над нами будут все смеяться,
Позору нам не обобратся», –

Сказал начальник караула,
Рукой подвинул спинку стула,
Мы посмотрели на него,
С умом, спасибо, повезло.

Ну, всё, пришло к нам расставание,
Я друга обнял на прощание:
«Даст Бог ещё нам повстречаться,
Над этой дракой посмеяться».

За ним пришли бойцы в тельняшках,
Звезда горит у них на пряжках,
Береты – небо, голубые,
Ребята сильные, лихие.

За мной пришёл тот капитан,
Он руку запустил в карман,

Достал блокнот, открыл страницу,
Поставил галочку, как птицу.

Его тогда ещё приметил,
Когда меня с метлой отметил,
В блокнот он ФИО записал,
Затем мести во двор послал.

«Ну что, сегодняшний герой,
Ступай во двор, ищи свой строй!» –
Приказ отдал мне мой спаситель,
Мой командир и повелитель.

Всех караульных растолкал,
Во двор вприпрыжку побежал,
Кричу ехидным голоском:
«Ловите попу за углом».

Нашёл призывников осназа,
Внедрился в строй к ним без приказа,
Звучит команда «Смирно встать!»,
Нас капитан идёт считать.

Итак, пятнадцать, сосчитали,
Мы в две шеренги строем встали:
«Во двор, в автобус, на посадку!»
Звучит команда для порядку.

Осназ в автобус разместили,

Нас к месту службы покатили,
И я подумал головой –
Служить я буду под Москвой.

Хорош автобус на извоз,
Но это вам не паровоз,
Не увезёт нас далеко,
И на душе моей легко.

Сижу я рядом у окошка,
Вперёд бежит моя дорожка,
Москва у нас уж за спиной,
Любимый город мой родной.

Я здесь, как вам писал, родился,
Крестился, здесь же я учился,
Здесь было трудным наше детство,
Но было радужным соседство.

Москва не любит увядания,
Москва – наш город процветания,
Москва для нас всегда красива,
Москва для Русских – Мать Мария.

Где бегал в детстве во дворе?
В прекрасном городе Москве,
Мне снится яблонь первоцвет,
Прекрасней в мире цвета нет.

Бульвар, Волхонка и Арбат,
На самокате к речке скат,
Сад Александровский манит,
Для москвичей, гостей – магнит.

Врагами город обожжённый,
Москва, наш город закалённый,
Твои холмы и берега,
Мы будем помнить все века.

Как любим мы твои просторы,
Старинных улиц цвет, узоры,
Кустарник колкий на Тверской,
И вяз кудрявый на Ямской.

Нам не забыть и кисть рябины,
Что клали бережно в корзины,
И стаю зимних снегирей,
От той рябины грудь красней.

Мы водоёмами гордимся,
Туда на отдых мы стремимся,
От стаи белых лебедей,
Москва становится добрей.

Идём по старому бульвару,
Москвы боярской тротуару,
Везде красуются скамейки,
Играют там по две копейки

Кто в шахматы, кто в домино,
Кто в нарды, кто кричит в лото,
Там в карты дурачка раскинут,
Там шашку в дамки с криком двинут.

Там малыши бегут на горку,
Нет снега летом, мало толку,
Бегом, вприпрыжку с той горы
На смех всей здешней детворы.

Упал, коленки разодрал,
Но терпит, плакать он не стал,
Тогда в героев мы играли,
От ссадин мелких не рыдали.

Поэтов сцены, поэтесс
Бульвару придают прогресс,
Народ их слушает, внимает,
Строфа бульвары украшает.

Ларёк мороженым торгует,
Народ в жарищу атакует,
Пломбир московский, эскимо
Едят, затем идут в кино.

Фонтан с водою лучезарной,
Взлетает ввысь к звезде полярной,
В жару нас всех слегка остудит,

Никто нас, мокрых, не осудит.

Под ноги голуби садятся,
Людей московских не боятся,
Днём скачут бойко воробьи,
Поют нам ночью соловьи.

А утром дворник подметает,
Бульвар московский прибирает,
Спортсмены ранью по порядку,
Бегут к бульвару на зарядку.

Здоровья всем бульвар пропишет,
В стихах поэт его опишет,
С него картины там рисуют,
И живописцы все ликуют.

Стихов и песен с ним не счесть,
Влюблённым встретиться там честь,
Кино снимают на Покровской,
Любовью он покрыт Московской.

Весной бульвар стоит в цвету,
Он дарит людям теплоту,
А осенью рисует краской
Картины нам, пейзаж указкой.

А летом – крыша, мажь зелёнкой,
Не страшен дождик под клеёнкой.

Зимою всё белым-бело,
Как в сказку, наш бульвар, окно.

Автобус мчится по дороге,
Где не ходили мои ноги,
Ребята на сиденьях спят,
За мною рядом в такт сопят.

А за окошком вечереет,
Ведь рано осенью темнеет,
Покрылась сумраком дорога,
Мы все под пеленой у Бога.

Свет фар навстречу замечаем,
Деревню быстро проезжаем,
Горит в избёнке свет в окошке,
Чуть слышен звук, игра гармошки.

Маэстро вспомнил я, рапсодии,
Нам виртуоз играл мелодии,
Работать с ним совсем не лень,
Расстались мы, уж третий день.

Марата вспомнил, мужика,
Плакат в углу, военрука,
Я вспомнил доку и ребят,
Я класс наш вспомнил, интернат.

Как жить мне дальше – непонятно,

Диктуют жизнь пока невнятно,
Но нужно что-то в ней менять,
И это «что-то» мне принять.

Асфальт закончен на дороге,
Мой организм уже в тревоге,
Ухабы, кочки да грунтовка,
Боюсь, не скоро остановка.

Меня немного укачало,
Заснуть пытался для начала,
Усталость, качка в унисон,
Я провалился в крепкий сон.

Отец пришёл в мой сон покойный,
На вид опрятный и спокойный,
Он «Здравствуй!» мне, «сынок», сказал,
Обнял меня, поцеловал.

«Я строгий в жизни был отец,
Но ты, сынок мой, молодец,
Терпел мои нравоучения,
Имеешь ты от всех почтение.

Тебя плохому не учили,
За дело лишь ремнём лупили,
И то, тихонечко, любя,
Ты ж моё кровное дитя.

Мы с мамой вам не признавались,
Что в жизни мы всегда нуждались,
Вас нужно было нам поднять,
Смогли тогда мы устоять.

Твой дед, отец мой, был священник,
У власти этой слыл отшельник,
Он Богу нашему служил,
Народ его всегда любил.

В России Царской церковь чтили,
В ранг государства возводили,
На праздники, на торжества
Без церкви раньше никуда.

Твой дед за Веру жизнь отдал,
Его чёрт красный расстрелял,
Храм разломали и сожгли,
Святыми стали те угли.

А смуты дед не испугался
И верным Богу оставался,
Служил он за простых людей,
У красных слыл он как злодей.

Любил Россию всей душой,
Гордился он её красотой,
И за границу не сбежал,
Со всем народом голодал.

Чем только деда не пугали!
Сто раз его предупреждали,
Что Вера – опиум народа,
Нет, не боялся он уroda.

Избу ему то подожгут,
Вдесятером его побьют,
То в Храме двери забивали,
Иконы били и сжигали.

То рясу всю на нём порвут,
Крест настоятеля сорвут,
Зимой водой зальют студёной,
Слух разнесут – умалишённый!

Власть сатаны! Пупки порвали,
Характер деда не сломали,
Служил он Богу, что есть сил,
Народ простой ступал за ним.

«Россия-матушка больна,
В Кремле лютует сатана», –
Он говорил тогда народу,
Не красной партии в угоду.

«Россия Храмами сильна,
На вере держится страна:
Когда её мы защищаем,

То церковь, Бога вспоминаем».

Дед Богу и стране служил,
Он Русью нашей дорожил,
Народ любил, всех, как родных,
Здоровых, умных и больных.

Ему власть красных – не закон,
Благословит церковный звон,
Горит свеча его в лампадке.
Приказ пришёл по разнарядке –

Призвать священников к ответу,
Ничком поставить к парапету,
В затылок – пулю, расстрелять,
Пример тем самым показать.

Пришли под вечер к деду в дом
И вновь устроили погром,
Избили мать мою, детей,
Разлили по полу елей.

Забрали нас, детей, и мать,
Отцу приказ звучит: «Стоять!»
Забрали дедушку с собой,
Нас отвезли в приют чужой.

Потом нам люди рассказали,
Как деда в церкви убивали,

Как дом сожгли у нас родной,
Дым расстилался над рекой.

В награду красной сатане,
Прикладом деда по спине:
«Пошёл из дома, в сени, прочь!»
Никто не мог ему помочь.

Дом подожгли, из всех щелей,
Пошёл гореть тогда елей,
А деда к церкви потащили,
В дороге, как обычно, били.

Пришли. «Молись, – сказали, – дед,
Верши народу свой обет,
Осталось жить тебе немного,
Здесь Бога встретишь ты земного».

И вновь на землю повалили,
Ногами очень сильно били,
Дед на себя всё принимал,
Не выл, не плакал, не стонал.

«Давай, вставай, иди, прощайся,
С Крестами в церкви обнимайся,
Вам не перечить коллективу,
Воткнём мы Крест тебе в могилу».

Дед встал, к порогу подошёл,

Три раза церковь обошёл,
Из алтаря он вынес скатерть,
И расстелил её на паперть.

Пред ней три раза помолился
И на колени опустился:
«Мы, Отче наш, тебя любили,
С тобой детей своих крестили,

Ты нам любовью отвечал,
Встречал на свет и провожал,
Ты нам Россию даровал,
Нас от врагов оберегал.

И Храмы мы тебе открыли,
Святые нас благословили,
Твои иконы – в каждый дом,
Дом прирастал тогда добром.

Тебе мы Верою служили,
Мы в Церковь каждый день ходили,
Ты отвечал нам добротой,
Водичкой чистою, Святой.

Народ наш Русский благодарный,
Его приход, Тобою данный,
Спасал и от кромешной тьмы,
От преступлений и тюрьмы.

В голодный год нас Ты кормил,
В жару водичкою поил.
Замёрзнем в стужу мы зимой,
Придёшь, согреешь теплотой.

Сегодня правит изувер,
Его народу вы в пример,
Икону с Богом растоптали,
Кресты над Храмом поломали».

«Ну, всё, вставай, старик, молись,
А хочешь жить, так отрекись,
От Бога, Храма, от икон,
Зачем народу ваш трезвон?» –

Сказал от власти командир.
Кровавый цвет на нём, мундир,
Папаха с лентою косою
Лоб делит красной полосой.

Дед встал, к народу повернулся,
К Кресту губами прикоснулся,
Народ затем перекрестил,
Негромко, внятно всем гласил:

«Я этих красных не боюсь,
От Бога я не отрекусь!»
В затылок выстрел, люд в испуг,
Заплакал город Петербург.

На паперть, скатерть дед упал,
«Прости нас Бог», – хрипя, сказал,
Глаза на небо, вверх глядели,
Там журавли над ним летели.

От нас, детей, расстрел скрывали,
Росли мы без отца, страдали,
«Пропал без вести», – нам сказали, –
Но позже правду мы узнали.

Дед твой, сынок, служил России,
Христу молился и Марии,
Он красных власть не признавал,
Себя он людям отдавал.

Я также власть ту ненавидел,
В её глазах я смерть увидел,
За Русь, за нашу, воевал,
Здоровье всё своё отдал.

Не вспоминай мою ты тризну,
Люби душой свою Отчизну,
Россия – любящая мать,
Её нам нужно отстоять».

Автобус снова затрясло.
Проснулся, стал смотреть в окно.
Снежок тихонько порошит,

От фар, как искорка, горит.

Ещё примерно час катались,
На кочках сильно мы болтались
И на ухабах нас трясло,
Куда, мой Бог, меня несло!

Вот и замедлил транспорт ход,
Закончен первый наш поход,
С звездой ворота отворились,
Мы тихой сапой в часть вкатились.

«Подъём!» команда, «Всем вставать!»
Не забываем вещи взять,
Здесь офицеры нам указ,
Над всем главенствует приказ.

Его не стоит обсуждать,
Команда есть – так выполнять,
Здесь армия, а не гражданка,
К вам не придёт сюда служанка.

Мы в суете собрались в строй,
Мешок с вещами за спиной,
Нас обошли, всех сосчитали,
На стрижку в баню всех послали.

Там голова догнала тело,
Причёска мигом улетела,

Здесь, в армии, она одна,
Теперь расчёска не нужна.

Я локон взял своих волос –
Бывает в жизни парадокс!
Когда теперь ты отрастёшь?
Когда причёску наведёшь?

В военной бане мы помылись,
От грязи бытовой отмылись,
Простынка вместо полотенца
Нас обернула, как младенцев.

Нам выдали трусы и майки,
Как в новый год под ёлкой зайки
Одеты все в одном, похожи,
Для армии вполне пригоди.

Теперь ответственное дело:
Мне измеряют мое тело,
Размер ноги, размер руки,
Нужны перчатки, сапоги.

Окружность лысой головы,
От пят к макушке высоты,
Размах могучих наших плеч,
В них нужно сажень уберечь.

Каптюра вижу, фигуранта,

Он выдал мне мундир курсанта
И посмотрел на две ноги –
Портянки выдал, сапоги.

Ушанку выдал мне, ремень,
Принёс двуполоую шинель,
Всю в скрутку, словно колбаса,
Погоны с буквами СА.

Мне дали нитку и иголку:
«Пришей петлицы на оборку,
Погоны с буквами СА,
Сто миллиметров ото шва».

Я в пять минут пришил погоны,
Петлицы, пуговики, шевроны,
Сижу, смотрю я на ребят,
Все пришивают и пыхтят.

Да, сложный труд – метать иголкой,
В ушко просунуть нить сноровкой,
Затем проткнуть шинель, погон,
Не нанеся себе урон.

Каптёр меня тогда спросил:
«Ты что, боец, уже пришил?
Я вижу кителя изнанку,
Здесь не нанять тебе служанку».

Шинель и китель разложил:
«Давно я их себе обшил», –
Ответил я не по уставу,
Он сразу вспомнил чью-то маму,

Держа в руке шинель, мундир.
«Здесь армия, а не трактир,
Ответ мне чёткий, по уставу,
Нашёл ты в армии забаву?

«Так точно!» – нужно доложить,
Труд свой к ответу приложить,
И ждать дальнейших указаний,
Не нужно нам здесь ваших знаний.

Наука в армии одна –
Есть командир и старшина.
Они подумают за вас,
Решенье примут в тот же час.

Приказов обсуждать не нужно,
Их исполняют быстро, дружно,
Исполнил, тут же доложил,
Глядишь, отметят, заслужил».

«Так точно!» – я тогда сказал,
Свой труд каптёру показал,
Он «Молодец!» сказал в ответ,
«Так точно!» – выполнил совет.

«Ступай, друзьям ты помоги,
Ты видишь – шить им не с руки,
Все пальцы в кровь поскололи,
Не руки, а одни мозоли».

«Так точно!» – вновь я произнёс,
Шинель чуть в сторону отнёс,
Пошёл ребятам помогать,
Погоны на шинель стегать.

Часа за три себя обшили,
Считай, что подвиг совершили.
Затем поставили нас в строй –
Бегом в казарму, на покой.

Казарма длинная, глухая,
Кровать в два яруса стальная,
Штук сорок в два ряда стоят,
Есть также тумбочка, наряд.

За тумбочкой стоит военный,
Входным дверям сегодня пленный,
Он глаз от них не отрывает,
А вдруг начальство проморгает!

Для сна мне место показали,
На верхний ярус указали,
Высокий рост мой подсказал,

Прыжком в кровать, затем провал.

И вновь построили всех в строй,
«Отбой!» – команда на покой,
Пошли ложиться мы в кровать,
«Отставить!» – снова в строй вставать.

Нам объяснил сержант дежурный,
По роте нашей караульной,
«Отбой!» команду нужно знать,
Бегом, прыжком в свою кровать.

И вновь команда на покой,
Летим в кровать теперь стрелой,
И наши лысые макушки
Добрались в полночь до подушки.

Душа моя кричит «Ура!»,
Подъём наш будет в семь утра,
Вставать мне рано не впервой,
Дом не забыл ещё родной.

Работал дома я серьёзно,
Спать я ложился очень поздно
И в теле чувствовал провал,
Я очень быстро засыпал.

Нам нужно утром рано встать,
Жизнь с чистого листа начать,

И, чтоб Святые нас простили,
Не партии служить, России.

Я вспомнил деда, сказ отца,
Служили верно два бойца,
Один жизнь Богу отдавал,
Второй на фронте воевал.

Есть внутренний и внешний враг,
Есть злобный гений, есть дурак,
Есть подлый и паршивый сброд,
Есть славный Русский наш народ.

Нам нужно свой продолжить род,
Мы Русский защитим народ,
Земли Российской не отнять,
Врагов с неё мы будем гнать.

Ребята все давно уснули,
Дверь в сон грядущий распахнули,
Что завтра будет – неизвестно,
Жизнь изменилась интересно.

Проснулся утром где-то в пять,
Прыжок на пол, смог устоять,
Побрёл тихонько в туалет,
Дневальный мне кричит: «Привет!»

Я на солдата оглянулся.
«Ты что в такую рань проснулся?
Вам по уставу нужно спать,
Подъём ваш в семь, тогда вставать».

Ему ответил, что привык,
Вставал я в пять часов, как штык,
Ложился в полночь, засыпал,
Сны интересные видал.

Опять ко мне он обратился:
«Коль здесь ты рано появился,
Мы служим под землёй в землянке,
Как жизнь, скажи мне, на гражданке?»

Я в туалет пошёл, умылся,
Водой холодной облился,
В казарму вышел в тот же час,
Солдату начал свой рассказ:

«Гражданка, понял я, Россия,
Родная, добрая стихия,
Должны мы Родину хранить,
Её нельзя нам не любить.

И необъятные просторы,
Моря, леса, луга и горы,
Её красу зари в рассвет,
Луг полевой, цветов букет.

Её пшеничные поля,
Что краше камня янтаря,
Подсолнух солнечный, посевы
И Русской песни перепевы.

Народ наш Русский, ох, хорош!
Прическу носит «под гаврош»,
Клёш, в моде снова сарафаны,
Не люди, а весной тюльпаны.

В напевах наших и частушках,
В застольях дивных и пирушках,
Мы от души всегда гуляем,
Народ наш Русский прославляем.

С Надеждою живём мы, с Верой,
Жизнь не покажется нам серой,
Любовь всё время рядом с нами,
Мы закалённые годами.

Гордится вами наш народ,
Сын служит, армии оплот!
Девчата смотрят из окошка,
Когда же запоёт гармошка.

Да, скоро миленький вернётся,
Девчонка паренька дождётся,
Возьмёт в объятия, расцелует,

Голубка снова заворкует.

Несёте службу вы отважно,
В стране у нас ещё неважно,
Забыты Русские морали,
Как мы героев почитали.

Сидят в Кремле пенсионеры,
Кто как из них достиг карьеры,
У них в роду одни грехи,
Все родом вышли от сохи.

Теперь же нами управляют,
Что делать со страной – не знают,
В уме у них одни маёвки,
А для народа – так, издёвки».

Прервал меня тогда дневальный:
«У нас тут есть один скандальный,
У края он, у стенки спит,
Всё слышит, кто что говорит.

Он нам твердит про амбразуру,
А сам всё в книжечку-фактуру,
Затем к начальству на доклад,
Ему значок на грудь, он рад.

Он в партию давно стремится,
От этого ему не спится,

Стучит на всех и день, и ночь,
Солдаты гонят его прочь.

Здесь не привыкли лебезить,
Знай, где и как что говорить,
У нас ребята боевые,
Но есть и подлые, гнилые.

Себя же нужно ублажить
И в праздник лычку получить.
Он задаёт свои вопросы,
Затем строчит на нас доносы.

Ступай, ложись в свою кровать,
«Подъём!» мне скоро вам кричать,
Недопустима здесь задержка –
Зарядка на плацу, пробежка.

Прими ты это во внимание,
Висит в казарме расписание,
Там каждый день и час расписан,
Начальством роты он подписан.

Ну, всё, давай, ступай быстрее,
Стоит наш прапор у дверей,
Вопросов с ним не оберёшься,
Послушаешь, с ума свихнешься».

Я отошёл к своей постели,

Входные двери заскрипели,
Дежурный чинно доложил:
«Нет нарушений», – ублажил.

«Как молодое пополнение?
Есть к службе у ребят стремление?
Во сколько был у них отбой?
Не скоро им ещё домой».

Задал вопрос и сам ответил,
Меня тогда он не заметил,
Я за кроватями стоял,
«Подъём!» команду чинно ждал.

«Подъём!!!» – команда во всё горло,
Моё дыхание чуть спёрло,
Я в майке выхожу, в трусах,
Кирза, портянки на ногах.

Ребята, как один, все спали,
«Подъём!» команды не слышали,
Стою один я и робею,
Но к ним претензий не имею.

И вновь команда на подъём,
Теперь в строю стоим втроём,
Все остальные мирно спят,
Десятый сон они глядят.

Наш прапорщик кричит: «Абзац!
Вы – на пробежку все, на плац,
Кто спит – солдат на подготовку,
«Отбой, подъём!», как тренировку».

А утром осенью прохладно,
Себе в душе сказал: «Да ладно,
Пробежка утром не впервой,
Где пруд с прохладною водой?»

Бег – есть выносливость и сила,
Меня пробежка не смутила,
Зарядка, как по образцу,
Физупражненья на плацу.

Бегом опять в родимый дом,
Казарму так сейчас зовём,
Звучит команда «Умываться!»,
На завтрак быстро собираться.

Ребят, которые проспали,
Поодиночке всех подняли,
Раз пятьдесят «подъём – отбой»,
Проснулись, дружат с головой.

На построение приказ,
Мы в форме, в строй, всем напоказ,
Сержант по списку перекличку,
Читает вслух свою табличку.

Стоит армейская семья,
Все отвечают громко «Я!»,
В затылок дышим мы друг другу,
Бегом в столовую по кругу.

В столовой мы опять бегом,
Стол заняли вдесятером,
Стоим, команду ждём «Садись!»,
Немножко все мы напряглись.

«Всем сесть!» команда прозвучала,
Всеобщий выдох для начала,
Хлеб, масло, чайник на столе,
Не знаем, что там в котелке.

Команда: «Приступить к еде!»
Ячмень в нём, каша на воде,
Её зовут «дробь номер шесть»,
Не мог я с детства её есть.

Намазал маслом серый хлеб,
Здоровью причинил ущерб,
Не стал ячмень есть на воде,
Чай в кружку я налил себе.

Два сахара с тарелки взял,
В чай положил и размешал,
Чай выпил, съел свой бутерброд,

Жду, как закончит завтрак взвод.

Кто год служил, уже поели,
На молодых в прищур смотрели,
Кто с кашей их здесь разлучит,
Команда «Встать!» для всех звучит.

Успел ты кашу съесть иль нет,
Закончен утренний банкет,
Простыл наш из столовой след,
В час тридцать ждать теперь обед.

Бегом в казарму на расчёт,
На плац всей ротой на развод,
Все офицеры здесь в строю,
Вторым по росту я стою.

Дежурный во весь рот кричит,
Команда «Смирно!» всем звучит,
Ремень он трогает мундира,
Все ждут явленье командира.

Идёт, идёт, чеканя шаг,
Рука с ногой идут в размах,
В ходьбе ошибок не замечу,
Дежурный офицер навстречу.

Доклад из уст его гремит:
«Без происшествий, – говорит, –

К нам прибыл пополнения взвод,
Уже вкусил армейский плод».

Полковник наш был очень важный,
Солдаты говорят, отважный,
Солдатам он был всегда пример,
Две сажени в плечах размер.

Знаток он всех наук военных,
Нет в части дел второстепенных,
Он грудью встанет за солдата,
Отцом его зовут, комбатом.

Дежурный молвит: «На караул!»,
Винтовки вверх, раздался гул,
«На два линейных расстояние!»,
Фанфар услышал я звучание.

«Взвод первый – прямо!» – клич гремит,
«На-право, часть!» – затем звучит,
Команда: «Шагом марш на месте!» –
Пошла компания к невесте.

Для нас бы только был предлог,
Пошли мы разом с разных ног,
Наш капитан к нам поспешил,
«Всем левой!левой!» – он гласил.

«Вперёд!» – затем пошла команда,

«Равнение держать!», ребята,
Затылок видим мы солдата,
Теперь все смотрим на комбата.

Он нам кричит: «Все молодцы!
Достоинo учитесь, бойцы!
От вас у нас в войсках прибудет,
Страна гордиться вами будет!»

С парада мы – в учебный блок,
И вновь для нас звенит звонок,
К двери большой мы подходили,
За нами класс определили.

А в классе парты, как везде,
Вожди с улыбкой – на стене,
На торцевой стене – Ульянов,
Как предводитель всех смутьянов.

Главком, наш маршал, также рядом,
Он сверху смотрит строгим взглядом,
За ним висит генералитет,
Для нас, солдат, авторитет.

С другой руки висит портрет,
Размером с Ленина багет,
В нем Брежнев Леонид в наградах,
Читаем мы о нём в балладах.

За ним – Политбюро все члены,
Не знавшие себе замены,
Весь пенсионный фонд страны
Нас озаряет со стены.

За парты быстро усадили,
Тетрадь и ручку нам вручили,
Конспекты все в одну тетрадь,
Нельзя её нам потерять.

Команда «Смирно!» прозвучала,
Мы подскочили для начала,
Доклад дежурного звучит,
Взвод заворуженно стоит.

Бойцы к занятиям готовы,
Они грызут гранит, основы
Наук военных чтоб познать,
Затем в бою их применять.

Команда «Вольно!», всем садиться,
За партой нужно распрямиться,
Сутулость воину помеха,
В окопах на спине прореха.

Открыл наш командир тетрадку,
Пошёл читать нас по порядку:
«Теперь я вам отец и мать,
Меня вам должно уважать.

Два года – не короткий срок,
Военный в жизни вам урок,
Обучим тактике, сноровке,
День не пройдёт без тренировки.

Я научу вас здесь стрелять,
Гранату в цель, в врага бросать,
Ходить в строю мы будем в марше,
Вы скоро станете здесь старше.

Мы защитим в стране трудягу,
Вы скоро примете присягу,
Прославим мы народ делами,
Россия загордится нами».

Закончил старший перекличку,
Затем перевернул страничку,
На палец свой он стал плевать,
Устав нам начал вслух читать.

Мой лысый череп дал понять –
Нельзя сидеть, нельзя стоять,
Нельзя поправить мне кокарду,
Пока не подадут команду.

Нельзя из части выходить,
Нельзя из крана воду пить,
Нельзя без старшего курить,

Вне строя в туалет ходить.

Нам без команды не уснуть,
Нельзя в казарме нам чихнуть,
Должны с командой просыпаться,
И с ней, родною, умываться.

Зачем нам слушать эту муть?
Сосед решил в углу уснуть,
У капитана зоркий глаз,
Уже кричит: «В наряд! Приказ!

Я здесь читаю для кого?
Для вас иль дяди своего?
В наряде будешь ты трудиться,
Потом ты должен весь умыться.

Впредь остальным всем здесь наука –
Учить устав совсем не мука,
Он с вами должен быть всегда,
Как путеводная звезда!»

Сосед по парте отличился,
Урок устава завершился,
На перекур пошли ребята,
Здоровью бедному оплата.

Сижу на лавочке, скучаю,
Москву я в мыслях вспоминаю,

День без неё прожить я смог,
Разлука – жизненный урок.

Как первоклассный партизан,
Ко мне подкрался капитан:
«Ты что, не куришь, рядовой?
Ребят пошёл в курилку строй».

Сейчас он только нас учил,
По стойке смирно я вскочил:
«Нет, не имею я привычки
Курить, носить в кармане спички».

«Да, молодец, – я услышал,
Как похвалу он мне сказал, –
Ко рту сигарку поднесёшь,
Всю жизнь затем с собой несёшь.

Ступай, готовься к физкультуре,
Изучим вас сейчас в натуре,
Годны ли вы в военном деле,
Увидим сколько силы в теле».

В казарму строим вновь мы в ногу,
Идём, чеканя шаг в дорогу,
По пояс тело обнажаем,
Что делать дальше, мы не знаем.

Нас в строй сержант вновь собирает,

По ротной книге всех считает,
Мы ждём для нас зловещий миг,
Косит сержант наш на турник.

«Мы силу здесь измерим вашу,
Вы вспомните родных, мамашу,
Колбасный вспомним комбинат,
Сосиски, шпроты, карбонад.

Подходим, исполняем вис,
Затем наверх и снова вниз,
Кто сколько может подтянуться,
Соскок – и снова в строй вернуться.

Не всех преследовал успех!
В строю у нас весёлый смех,
Бойцы не могут подтянуться,
В локтях суставы их не гнутся.

Тут моя очередь настала,
Вопрос задал я для начала:
«Мне сколько нужно подтянуться,
Чтоб на коне в свой строй вернуться?»

Сержант мне делает заказ:
«Ты подтянись-ка десять раз,
Конь ждет ещё вас впереди,
К снаряду ты быстреей иди».

Я подхожу, прыжок, повис,
Сержанта вспомнил я каприз,
Двойной заказ я подтянулся,
С подъёмом ног перевернулся.

Затем с раскачкою прыжок,
Стал показательным соскок,
Сержант встревоженно молчал,
Затем: «Встать в строй!» он прокричал.

Ребята тут же встrepенулись,
Ко мне все разом повернулись:
«Тебя как лихо закрутило,
Откуда в этом теле сила?»

А я стою, как в страшном сне:
«Я вырос так же, как вы все.
Откуда в теле моем средства?
На турнике крутился с детства!»

Мы разом спорт все полюбили,
Игрушку – гиpю – притащили:
«Ну, кто поднимет, сколько раз,
Игрушку эту напоказ?»

В строю стоим мы все по росту,
Идём украдкою к помосту,
Я подниму, волнений нет,
Знаком мне с детства сей предмет.

По десять раз с двух рук поднял,
Поставил гирию, не устал,
Ещё бы мог поупражняться –
Зачем из массы выделяться!

Меня сержант взял на учёт:
«Талант пойдёт тебе в зачёт,
Честь нашу должен отстоять,
За роту будешь выступать!»

«Так точно!» – я успел сказать,
В строй поспешил на место встать,
Тягаться силой не впервой,
Турник я вспомнил дворовой.

Девчонки смотрят из окошек,
Рубашки у ребят в горошек,
Нам нужно силу показать,
Турник стоит, давай качать!

Наш двор нам был спортивным залом,
Где занимались мы с металлом,
Там гирия, там турник, там штанга,
Канат для лазанья – из шланга.

А главный стимул – это зритель,
Подружки, старички, родитель,
Нельзя пред ними облажаться,

За силу нужно нам сражаться.

Им нужен слабый – для потех,
Поднимут парня все на смех,
К таким девчонки не подходят,
От слабаков свой нос воротят.

Лицом чтоб в грязь нам не ударить,
Здоровье нужно всем поправить,
Сил с детства нужно накопить,
И мужиком по жизни быть.

«Всем с голым торсом – и на плац!»
Звучит очередной приказ,
Бежим в осеннюю прохладу,
Пробежка эта как в награду.

Три километра нам бежать,
Есть нормативы, нужно сдать,
Минут в двенадцать уложиться,
Затем водичкою умыться.

Домашний кросс мне пригодился,
И в беге здесь я отличился,
За девять двадцать пробежал,
Сержант наш головой качал.

Я слышу у ребят одышку,
Бегут и кашляют вприпрыжку,

Холодным потом все облились,
Но все в двенадцать уложились.

Ребятам нужно осторожно,
Курить и бегать невозможно.
Я не курил и не пытаюсь,
Я спортом, жизнью наслаждаюсь.

Команда: «Всем пойти помыться,
Водой прохладною облиться,
Здесь вам не баня, не банкет,
Воды горячей в кране нет!»

Вода холодная мне в радость,
Для тела после бега сладость,
Водой холодной обливаюсь,
Бегут мурашки, умываюсь.

Затем готовимся к обеду,
Ведём с ребятами беседу,
Ребята курят, вспоминают,
Девчонки как без них страдают.

Я не курю и не страдаю,
Сажу и книжечку читаю,
Свой расширяю кругозор,
Попался Гоголь, «Ревизор».

Давным-давно её прочёл,

Сатиру в книге той учёл,
Вот Хлестакова б на турник,
«Поиздержался!» – крикнет вмиг.

Но книгу всё равно читаю,
Я время службы коротаю,
Где взять свободную минутку,
Прочсть цитату в книге, шутку.

«В строй выходить на парапет!»
Команда с тумбочки: «Обед!»
Обеда, к счастью, я дождался,
Живот урчит, проголодался.

И строим мы на блок питания,
Урок знаком мне голодания,
Перловка, каша – мой удел,
Которую с утра не съел.

Обед здесь так же по уставу,
Два котелка стоят на пару,
Суп – первое, затем – второе,
Соль на столе и хлеб, мучное.

Тарелки жечь на оба блюда,
Из алюминия посуда,
И ложка с кружкой из металла,
Кисель разлит в ней из крахмала.

Нам в наши небольшие плошки,
Налили супа из картошки,
Отвар мясной, укроп с петрушкой,
А вместо мяса хрен с кукушкой.

Мясной мы супчик быстро съели,
Где мясо – так не углядели,
Второе ждём, сидим, кряхтим,
Солянку с запахом мясным.

Во рту солянка так хрустит,
Вопрос про мясо не стоит,
В воде наверно уварилось,
Совсем бесследно растворилось.

Я понял, нужно выживать,
Продукты где-то доставать,
Я молодой и должен жить,
А в армию пришёл служить.

И вновь звучит команда: «Встать!
Бегом в шеренгу строй держать!»
Чеканим шаг в учебный класс,
Чему сейчас научат нас?

Мы в классе вновь расположились,
Вдруг обе двери враз открылись,
И невысокий, мал размер –
В мундире входит офицер.

«Я в роте вашей политрук,
Я знаю множество наук,
Родная партия, работа,
Об вас, бойцах, у нас забота.

Вам на стене висит фактура,
Что ни портрет – герой, фигура,
Они укажут верный путь,
В стране узнаем жизни суть.

Ильич Владимир – рулевой,
Он идеал в стране родной,
Страну Советов он создал,
Не строй, а просто идеал.

С ним рядом Леонид Ильич,
Давно в стране он бросил клич:
«Страна и партия едины».
Нет красочней у нас картины.

Сказал Ильич нам про дорогу,
Идём с народом нога в ногу,
Нам путь все звёзды освящают,
Что на груди его сверкают.

Для нас он просто Робин Гуд,
Прочтём его нетленный труд,
Затем проявим солидарность,

Ему отправим благодарность.

За нас в войну он воевал,
В бой шёл, «за Сталина!» кричал,
Рассказ бойцам, зажжёт он спичку,
Куренье вред, войдёт в привычку.

Но он дар речи не терял,
За нас, за партию страдал,
Он идеолог, наш отец,
Борец, писатель он и жнец.

А как он речи говорит,
Зал замороженный сидит,
В газетах речь, корреспонденты,
Взорвали зал аплодисменты.

Народ, что слушает, встаёт,
В ладоши очень сильно бьёт,
Аплодисменты и речёвки
В жизнь нам оформили путёвки.

Да, удивил де Голль француза,
Наш служит маршалом союза,
Большие звёзды на плечах,
Вся грудь в медалях, в Ильичах.

Мужик он – прям Ален Делон,
Его приказ для нас закон,

С ним нам не страшен враг любой,
Мы все за ним в смертельный бой».

Мне это всё неинтересно,
Сижу лишь протираю место,
Нам с детства в голову вбивали
Цель коммунизма и морали.

И слушать эту дребедень
Мозгам моим немного лень,
Вождей мы очень возвышаем,
Народ наш Русский мы не знаем.

Мы всю историю забыли,
Моменты славы изменили,
Мораль трактуют как в угоду,
Врут Православному народу.

Прошло чуть больше полувека
Паденья в бездну человека,
Россия превратилась в ад,
Пошёл войной на брата брат.

Висит злодей и узурпатор,
России верный провокатор,
Народы вольницы стравили,
Родных людей разъединили.

Крестьян побили, казаков,

Убили также всех купцов,
Убили Русский цвет, магнатов,
Убили знать, аристократов.

Россия-матушка стонала,
В крови семейной утопала,
А Ленин всё людей травил,
Русь нашу голодом морил.

Где наш Володя воспитался,
Ума убийцы где набрался,
Кто право на убийство дал?
Для Православных он вандал.

Приюта не обрёл в земле,
Висит проклятье на стене,
Его нам в голову вбивают,
Убийцу мира прославляют.

*Наш политрук закончил бред,
Здесь от портретов только вред,
Висят и пыль в себя вбирают,
Нам свежий воздух отравляют.*

Он начал списки составлять,
Кого, куда, как принимать,
Есть молодёжный комсомол,
Есть партия, страны престол.

В Руси чужая колея,
Он взор бросает на меня:
«Ты комсомолец или нет,
Значок где твой, где партбилет,

Кого считаешь идеалом?
Ты посмотри, вождей навалом,
Жизнь – пристань, нужно к ней прибиться,
Нам в коммунизм нужно стремиться».

Я встал, немного оробел:
«Да, на груди моей пробел,
Сказать вам здесь я не стесняюсь,
Я в комсомоле не нуждаюсь.

Всё это пришлое оттуда,
Бал правит на Руси Иуда,
В народ наш Русский клин вбивает,
Отца и сына разлучает.

Отец мой был войны герой,
Теперь лежит в земле родной,
Девчонкой мама воевала,
Подранков в медсанчасть таскала.

Страну родитель защитил,
Глаза нам детям всем раскрыл,
Народ тогда непобедим,

Когда на фронте он един.

Там смерть, она у всех одна,
Кружит над полем пелена,
К ней пропуск, партбилет не нужен,
А ты лежишь и вновь контужен.

Несёшь ты смерти партбилет,
«Где Крест?» она вам, «Амулет?»,
Несёшь ты корочку от беса,
Тебе на рай от нас завеса.

К Кресту вас в детстве приложили,
Нам путь в России освятили,
Вам путеводное знамение,
Сменило Ленина учение.

Ну, что даёт нам комсомол?
Как после пьянки пить рассол?
А что нам партия дала?
России нет, осталась мгла.

В России запретили Бога,
Врата раскрыли все острога,
Народ от Веры расстреляли,
Все Храмы, церкви посжигали.

В стране главенствует ликбез,
Историю КПСС

От рождества идёт Христова,
Вбивают в голову нам снова.

Зачем значок мне комсомольца,
Поётся в песне, добровольца,
Зачем партийный мне билет,
Мне дорог Крест мой, амулет».

Конфуз поймал наш капитан:
«Ты правду молвишь иль обман,
Ты членов партии обидел,
Солдат таких давно не видел».

«Я вам всю правду доложил,
Я Богом с детства дорожил,
Всегда со мною впереди,
Висит мой Крестик на груди.

С ним в комсомол вступать негоже,
Нет ничего его дороже,
Билет партийный – пропуск в ад,
Злодеям выше нет наград».

Я гимнастёрку расстегнул,
Достал свой Крест, к губам примкнул,
Поцеловал его три раза,
Из уст моих слетела фраза:

«Вот в жизни нашей партбилет,

Другой альтернативы нет,
Он в Русской армии главком,
Зачем, скажите мне, партком?»

Учебный класс тут осенило,
И окна солнце осветило,
Крест оловянный заблестел,
Лицом парторг наш побледнел.

В руках держу своё знаменье,
Он лучше партии ученья,
Крест оловянный, как броня:
«Мы братья все, мы есть родня».

Солдаты светом тем умылись,
Блаженством Бога насладились,
Кто посмелей, перекрестился,
Есть выбор, с ним он и смирился.

«Вы правы, Русские – все братья,
Стальные, крепкие объятия,
Три раза, в Пасху, поцелуя,
Поём все вместе «Аллилуйя».

Сейчас такие времена,
Диктует жизнь теперь страна,
Святым Богам на удивление
У нас партийное течение.

Мой сказ пусть будет вам прологом,
В душе партийные все с Богом,
Все в Православие живём,
Святую воду так же пьём.

В речах мы Бога вспоминаем,
Как жить без Бога, мы не знаем,
У нас сегодня катаклизм,
Род Русский тянет в коммунизм.

Нам в жизни если преуспеть,
Карьерный рост преодолеть,
В теченьи нужном надо плыть,
Жизнь Православную забыть.

Сегодня гложет нас нужда,
Без коммунистов никуда,
Крутись волчком, крутись юлой,
Так думать нужно головой.

Такой мы жизни не искали,
Втоптали в грязь свои морали,
Огромный грех мы совершили,
О Боге нашем позабыли.

Теперь такие времена –
Или сума, или тюрьма,
Партийный ты иль Православный,
Кулак у армии ударный.

У нас, у всех страна одна,
Не нужно нам сходить с ума,
Перед врагом мы все равны,
В войну сплотим свои ряды.

Да, разделили мы людей,
Всему виною мавзолей,
На одре Ленин почивает,
Его земля не принимает.

Не знал он то, что наш народ,
Перед бедой, как сталь, оплот,
Не важно, где и как родился,
Опасность есть – объединился.

В моём кармане партбилет,
В душе от Бога амулет,
Беда в стране моей случится,
Пойду за Русь Святую биться.

В бою ружьё не выбирает,
В кого и как оно стреляет,
Из дула бьёт кусок свинца,
Нет больше Русского бойца.

У мёртвого спросить нельзя,
Кем был ты, кем твои друзья?
Какому Богу вы молились?

Какой иконе вы крестились?

Водой Святою нас обмоют,
Землей всех Русскою накроют,
Нас в Православье отпоют,
Всем в упокой свечу зажгут.

Не спросят там про партбилет,
Погасят благодатный свет,
С Распятьем Крестик лишь с тобой,
Иконку держишь под рукой.

Глаза твои давно закрыты,
Свинцом конечности налиты,
Чем будешь там голосовать?
Руки не сможешь ты поднять.

Мандат партийный где нам взять,
Как голос лидеру отдать,
Там, на погосте, все равны,
России дочери, сыны.

В душе своей я понимаю,
Тебя, боец, не осуждаю,
Ты Крест несёшь, и то отрада,
С ним умереть для нас награда».

Политурок наш завершился,
Как будто заново родился,

Подумал я: «Совсем недаром,
Вступил я в диспут с комиссаром,

Пусть люди знают наперёд,
Крест – комсомолу отворот,
На то есть у людей причины,
Храм и Ильич несовместимы».

Ребята все бегом в курилку,
Я книгу взял, смотрю картинку,
В ней Дегтярёва пулемёт,
Наверно, в цель он точно бьёт.

Враги – мишень, карикатура,
В картинке следующей фактура,
Прицел направлен прямо в цель,
На улице зима, метель.

Бегом солдаты из курилки,
Снег мелкий, как с бревна опилки,
«Технический у нас урок!» –
Кричит дневальный, как звонок.

Майор к нам, техник, в класс заходит,
Вновь перекличку он проводит,
Звучит фамилия моя,
Взгляд офицера – на меня.

Он прочитал, где я учился,

Технарё немного удивился,
Занёс фамилию в тетрадку,
И вновь читал всех по порядку.

Он исписал свою страничку,
Закончив с нами перекличку,
Вновь взор свой бросил в мою сторону,
Примерил в мыслях я корону.

Затем он начал нам вещать:
«Россию нужно защищать,
На море, в небе, на земле,
Враг не пройдёт у нас нигде.

Войны нам нужно избежать,
В эфире вас научим врать,
Здесь служба, всё без дураков,
Дезинформация врагов.

Они не могут мирно спать,
Враги хотят о нас всё знать
Про то, где спрятан пистолет,
Куда мы ходим в туалет,

Что мы едим и что мы пьём,
Опять врагам мы в уши врём,
Как праздники мы отмечаем,
Как урожай мы собираем,

Тревожит их людей здоровье,
Быков, бурёнок поголовье,
Враг верит нашему вранью,
Подложим им свою свинью.

Им нужно знать про медицину,
Науку нашу и доктрину,
Как может палка в год стрелять,
Им шуток наших не понять.

Хотят они от нас узнать,
Причём какая-то здесь мать,
Когда ракета вылетает,
В цель быстро точно попадает.

Где самолёты, танки, бомбы,
Укрытия где, где катакомбы,
Когда начнут они стрелять,
Им также это нужно знать.

А мы с три короба наврём,
Лапшу в кастрюльке разведём,
Затем им на уши повесим,
Вторую порцию замесим.

И так два года постоянно,
Живёт Россия без изъяна,
Должны мы Родину хвалить,
Враги должны с враньём тем жить.

Мы до присяги вас обучим,
Как врать красиво – всех научим,
Технично как его скрывать,
Враньё им нужно добывать.

Чтоб слаще был запретный плод,
К нему мы подбираем код,
Его секретно мы шифруем,
Колоду с картами тасуем.

И этот шифр мы тёмной ночью
В эфир им сбросим одной строчкой,
Пусть кофе пьют, зачем – гадают,
Головушку свою ломают.

А мы им новые подарки,
Рецепт свинины от кухарки,
Пусть на крючок, на наш, клюют,
На мельницу пусть воду льют».

Майор закончил наставление,
Вранья безбожного учение,
Ребята все пошли курить,
«Останься, ты!» – мне говорит.

Остался, выполнил приказ,
Он сел напротив, начал сказ:
«Я посмотрел, где ты учился,

Немного, правда, удивился,

Полиграфия не смешна,
Твоя профессия сложна,
Стоит и светится фонарь,
В призыве нужен нам технарь.

Аппаратуру в сеть включить,
Где неисправна, починить,
Там профилактику устроить,
Приёмник на волну настроить.

Наушник нужно подобрать,
Пыль пылесосом с ламп убрать,
Для глаз настроить осциллограф,
В журнал поставить свой автограф.

В эфир враньё вдруг не польётся,
Всё вороньё передерётся,
Вам модуль нужно отключить,
В теченье часа починить.

Служить ты будешь «сутки – трое»,
Один ты техник в чистом поле,
Три дня даётся на учение,
Не служба, просто развлечение.

Согласие твоё не нужно,
Приказ – и выполнять послушно,

Год эту вахту пронесёшь,
Глядишь, и в отпуск попадёшь.

Стажёр ты с завтрашнего дня,
Твоим начальством буду я,
Есть просьба, применить усердие,
От нас же будет милосердие».

Последовал отца примеру,
Не стал перечить офицеру,
Не нужно на судьбу пенять,
Приказ мне нужно выполнять.

Закончился занятий час,
Сержант кричит: «Всем в строй!» приказ,
Мы через плац бегом по снегу,
Отнюдь не рады мы забегу.

В казарму, в строй, опять приказ:
«Час есть до ужина у вас,
Вот комната у нас для чтения,
Вот штанга, силы проявление».

Звучит команда: «Разойдись!»,
Ребята тут же разбрелись,
Курить, гражданку вспоминать,
Я в комнату пошёл читать.

Там «Правда» – свежая газета –

Пригодна лишь для туалета,
Её берёшь – уже тревожно,
Читать так просто невозможно.

Медали сверху, ордена,
Как глянешь, так сойдёшь с ума,
Портрет вождя висит чуть ниже,
Визит нанёс послу в Париже.

На развороте – состязание,
Рабочих соцсоревнование,
Бригадный, так сказать, подряд
И вожаков картинки в ряд.

У всех в карманах партбилеты,
Все помнят Ленина заветы,
Без них нам в жизни никуда,
И не течёт в трубе вода.

Дошёл в газете до подвала,
Про спорт – три строчки, очень мало,
Статья о наших гандболистах,
Об олимпийских финалистах.

В концовке рамки, извещение,
Что умер член, оповещение,
Прискорбье из глубин достали,
Про Бога там не вспоминали.

Закончил «Правду» я читать,
В душе своей не мог понять,
Ни строчки нет там из романов,
Лишь бред речей политиканов.

Опять нас в строй, уже привычка,
Сержант читает перекличку,
Фамилию слышу я свою,
На ужин топаем в строю.

В столовой та же процедура,
Железо к пище, гарнитура,
Солянка в котелке мясная,
На запах так она, пустая.

Но голод не родная тётка,
Гарнир, варёная селёдка,
И аромат меня пленил,
Изыск желудок отменил.

Поел тогда одну солянку,
Парням селёдку, на делянку,
Чай с сахарком попил вприкуску,
Хлеб серый скушал на закуску.

Я от еды не делал драмы,
Я вспомнил дом и ужин мамы,
Морщинки вспомнил на руках,
Суп свой любимый на грибах.

У нас армейская стихия,
На ужин смотришь – ностальгия,
Где колбаса и сыра скрутки,
Паштет дешёвый где из утки.

Блины где с вишнею, с вареньем,
Нам в детстве были угощеньем,
Котлеты где и где салаты,
Их нам не есть пока, солдаты.

Нам целый день в мозги вбивают,
Что в службе тягости бывают,
Нас покрывают всех здесь лестью:
Преодолеть их нужно с честью.

Как тягость здесь преодолеть,
Баланду эту как терпеть,
Когда желудок мой свободный,
В нём мяса нет, и он голодный.

Команда «Встать!» нас вновь пронзила,
Кричит сержант её, верзила,
В строю на плац, на марш идём,
«Не плачь, девчонка» мы поём.

Не скучно было чтоб бойцу,
Три круга с песней по плацу,
Девчонка та нас не услышит,

Дай Бог, письмо она напишет.

Затем в казарму на поверку,
Каптёр снимает с шеи мерку,
Есть острый у иглы конец,
Даёт из ткани образец.

Подворотник, пришитый к стойке,
Снять нужно, постирать на мойке,
Повесить на кровать сушить,
На ворот чистенький пришить.

И каждый день на сон грядущий,
Снимаем ворот наш грязнущий,
Стираем, мылом оттираем,
Затем на ворот пришиваем.

Мне шить, опять же, не проблема,
Иголка с нитью не дилемма,
Нас в интернате научили,
Воротнички там так же шили.

Сержант наш снова удивился:
«В какой семье, – спросил, – родился,
Ты в жизни всё преодолел,
Скажи, когда ты всё успел».

И я тогда ему сказал,
Что в жизни много испытал,

На радость матери родной,
В семье своей я был седьмой.

Мне в жизни детства не хватило,
Отца от ран больным свалило,
В глазах его стояла мгла,
Мать разрывалась, как могла.

И, как могла, его лечила,
Нас поднимала и кормила,
Работать также успевала,
В подушку по ночам рыдала.

Я очень рано осознал,
За сахар жизнь не принимал,
О маме проявил заботу,
Я стал искать себе работу.

Питаться нужно москвичам,
Стал я работать по ночам,
Иду проторенной дорожкой,
Вагоны разгружать с картошкой.

Картошка в сетках нам на радость,
Навалом, тьфу, какая гадость,
Таскаешь сетки на машину,
Лопатой ты сгребаеть глину.

Хладкомбинат нас ждал ночной,

Там труд у грузчика ручной,
Коровы, свиньи, тушки кур,
Холодный, мёрзлый гарнитур.

Затем на кладбище работа,
А выходной – одна суббота,
Пять ям за вечер откопаем,
Там мужики, за жизнь болтаем.

По выходным в кафе, к Марату,
Народ там празднует зарплату,
Свой день рождения, крестины,
Поминки, свадьбы, именины.

И так, с тринадцати-то лет,
Господь послал мне в дар билет,
Я маме помогал, старался,
И Бог с небес мне улыбался.

Гнуть спину с детства не боялся,
Я спортом также занимался,
Зима, а я ещё купаюсь,
Водой холодной наслаждаюсь.

Затем домой бегу вприпрыжку,
В портфель тетради брошу, книжку,
Чай выпью, с сыром бутерброд,
В метро, за знанием в поход.

Жизнь с детства шла моя по кругу,
Послал работу Бог в заслугу,
Её нисколько не боялся,
Теперь вот здесь я оказался.

Стежками шью воротничок, –
Игла, как к скрипочке смычок,
Нить, как струна, чуть-чуть дрожит,
Нет-нет, в материи пищит».

Сержант: «Да ладно, – говорит, –
Не парень, просто монолит,
Давай, укладывайся спать,
Всем завтра в семь часов вставать».

Мой первый день так завершился,
Я не устал, с ног не свалился,
В рутину службы стал вникать.
И взглядом – на свою кровать,

Приказу тотчас подчинился,
Пошёл в уборную, умылся,
Звучит команда: «Всем отбой!» –
В постель ныряю с головой.

Мгновенно в сон я провалился,
В объятьях мамы очутился,
Она мне вторит: «Как сынок,
Там без меня ты одинок.

Тебя, наверно, обижают,
Ты беспартийный, принижают?
Как в армии на службе кормят?
Девчата все тебя здесь помнят.

Тебя всего лишь день нет дома!
Разлука мне с войны знакома,
К ней время, нужно привыкать,
Людей родных не забывать».

Объятая мама распахнула,
В глаза мне синие взглянула:
«Ступай, сынок, всегда с тобой,
Ты быстро вырос, стал большой».

Кричу беззвучно маме вслед:
«Вернись на званный твой обед!
Домашних успокой девчат,
Два года пульей пролетят».

В тумане образ растворился,
Во сне с маманей я простился,
Бреду тропюю полевой,
Идёт навстречу мне Святой.

«Ну, здравствуй, воин мой отважный,
Подрос ты, стал немного важный,
Во сне сейчас ты, как в плену,

Ступай, тебя я обниму».

Мы крепко со Святым обнялись,
Три раза в щёки целовались,
С меня он взгляд свой не сводил,
«Ты возмужал, – мне говорил. –

Не испугался, Крест не снял,
Слышал, комсорг тебя ругал,
Да, можно образ мой сломать,
Но Крест с души им не сорвать,

Он при тебе, с тобой, с рожденья,
В душе он будет до успенья,
С тобою в землю он уйдёт,
Рай наш цветами расцветёт.

Мир полон зверством Сатаны,
Ты стал защитником страны,
Есть в жизни истина простая,
Россия наша – Мать Святая.

Пусть небогато вы живёте,
С небес вы манны и не ждёте,
Есть Дух, есть Вера и Любовь,
Надежда к вам сама придёт.

В Надежду нужно лишь поверить,
Нельзя богатством её мерить,

К ней нужно искренне стремиться,
За каждый день в тиши молиться.

Ждать долго не заставит вас,
Придёт Надежда в нужный час,
Вы верили, её так ждали,
Любили, лишь о ней мечтали.

Подарок вам пришёл с небес,
Добро есть злу противовес,
Его вам нужно оценить,
Надежду с Верой полюбить.

Любовь с Россией неразлучны,
Хор и мелодия созвучны,
Любовь вам нужно лишь принять,
Россию-матушку обнять.

Она всегда благоухает,
Природу с девочкой венчает,
И слышим мы со всей страны,
Тот звонкий голос детворы.

В природе видим дуб и ясень,
Берёзу, тополь озорной,
Природы вид всегда прекрасен,
Когда Бог властвует страной.

Река впадает в океаны,

Тропа ведёт нас на поляны,
Стремятся птицы в жаркий край,
Весной – в Россию, в тёплый рай.

Луг заливной, без края поле,
Пасутся там стада на воле,
Игриво скачет жеребёнок,
Мычит застенчиво телёнок.

Пшеничка колосом блестит,
Ячмень на солнышке горит,
Подсолнух отдаёт нектар,
Снимает шмель с него навар.

Болото с цаплею в низинке,
Грибы, всё белые, в корзинке,
И ягод сладких полон лес,
Орехов гроздьями в довес.

Давай же бросим наши взгляды,
На ваши Русские наряды,
Девчата в пёстрых сарафанах,
Все парни в дутых шароварах.

Девчонки – красные сапожки,
А летом просто босоножки,
Опять же, парни – в сапогах,
В жару вы ходите в лаптях.

У вас платки, так расписные,
Всё вышивки на них ручные,
Папаха – шапка у ребят,
Из-под неё ваш добрый взгляд.

Пошили вы парням сорочки,
Рубашки, к ним в карман платочки,
Идут, чубы из-под картуза,
В руках подарки, кукуруза.

Сварили с солью в котелке,
Дымком прибило в костерке,
Несут девчатам те поделки,
Подсолнух там же, посиделки.

Девчонки семечки грызут,
Парней поближе сесть зовут,
Кто смелый, тот прыжком к девчонке,
Слабак – тогда постой в сторонке.

Девчата ваши хороводят,
Парней с собой они уводят,
Роса на травушку легла,
Гармонь играет до утра.

Под утро дом родной зовёт,
Не спит, дитя мамаша ждёт,
Вид, что ждала, и не покажет,
Днём, за обедом, всё расскажет.

Тебя, мой раб, все дома ждут,
Служить России – славный труд.
Ты первый день ей отслужил,
Крест свой не снял, им дорожил.

Не верь ты с первых слов о дружбе,
Тебя ждут тернии на службе,
Делам своим ты лучше верь,
Придёт пора, откроешь дверь.

За дверью той жизнь на ладони,
Ухабы, ямы и погони,
Но больше радостей, веселья,
Есть от предательства похмелье.

Ты к людям будь всегда добрей,
Есть в жизни множество дверей,
У каждого своя дорога,
Все от меня идут, от Бога.

Во сне лишь человек поймёт,
Что дальше в жизни его ждёт,
Хлеб, соль или весны мгновенье,
Взлёт в облака, с горы паденье.

Кого-то праздник в жизни ждёт,
Каблук кого-то, женский гнёт,
Кому-то детский смех, веселье,

Стоит задача, к ней стремленье.

Есть люди, руки опустили,
Когда их трудности смутили,
Жизнь потекла их по течению,
Нет сил у них к сопротивлению.

А в жизни нужно выплывать,
Нельзя Иуде жизнь отдать,
Встал ты, от грязи отряхнулся,
В себя пришёл, дух встрепенулся.

И вновь тропа перед глазами,
Пойдёшь, увьёшь её цветами,
Шаг твой уверенный, чеканный,
Народ оценит, ты им званный.

Ведь в жизни нужно раз упасть,
Подняться и себе сказать:
«Да, мог бы вовремя свернуть,
Ошибкой был мой прежний путь».

Ты, раб мой, в жизни спотыкался,
Как человек, ты ошибался,
Но знай, что Я всегда с тобой,
С бедой мы справимся любой.

России призван ты служить,
Святыней нужно дорожить,

Себя ты должен здесь найти,
Достоинно должен путь пройти.

Ты волен здесь пока стоять,
Пойду рассвет Я зажигать,
Солдаты пусть ещё поспят,
Два года быстро пролетят».

Вновь со Святым мы обнимались,
Поклоны били, целовались,
Его глаза меня крестили,
Дверь в жизнь мне новую открыли.

Он плавной поступью ушёл,
Основу к службе в нём нашёл,
Неважно, что у нас за строй,
Крест над страной его Святой.

А я во сне хожу, гуляю,
Двор свой, соседей вспоминаю,
Отец идёт ко мне с клюкой,
Он ранен был, совсем хромой.

С отцом во сне родным обнялся:
«Ты что, сыночек, разгулялся, –
Он мне в объятьях говорит,
Чуть голос, баритон, дрожит. –

Я здесь немножечко страдаю,

По вам, по маме я скучаю,
Одна есть у меня отрада,
Живёте вы, и в том награда.

Я очень рано вас оставил,
Жить в одиночестве заставил,
Но тело – сложный механизм,
Смертельно ранен организм.

Убит я был ещё в войну,
Когда враг расстрелял страну,
Душа спасла больное тело,
Оно, всё в ранах, уцелело.

Душа из тела ни ногой,
Сказала мне: «Я здесь, с тобой,
Не дам я телу умирать,
Всем Русским нужно выживать».

Досталось нам в войну немало,
Нас полстраны поубивало,
Громады Русского народа,
Убиты демоном, уродом.

Политикан, под стать Иуде,
Как слон, идущий по посуде,
Идею в жизнь чтоб воплотить,
Полмира нужно им убить.

Что с миром станет, он не знает,
Народ от этого страдает,
В большую голову взбрeдёт,
Войною он на нас пойдёт.

Полвека нас уже пугают,
Хозяев к власти не пускают,
Им не дают страной рулить,
Страну хотят они кормить.

Есть изошрённое сознание,
Не дать народу пропитание,
Власть ту голодный не поймёт,
По власти сытый люд пройдёт.

Политик – нужно нам болтать,
Хозяин – урожаи собирать,
Политик – в речи обещания,
Хозяин – молча созидание.

Политик – идола поклон,
Хозяин – нужный нам закон,
Политик – митинги, собрания,
Хозяин – всем образование.

Политик – цифры и отчёты,
Хозяин – правит недочёты,
Политик – как бы мне избраться,
Хозяин – как живым остаться.

Политик – нам агитотряды,
Хозяин – на полях бригады,
Политик – Маркса «Капитал»,
Хозяин – здесь прочёл, упал.

Политик – марши и парады,
Хозяин – людям всем наряды,
В народ политик – болтовню,
Хозяин – режет всем свинью.

Политик – съезды и визиты,
Хозяин – в поле паразиты,
Политик – всем давай, давай,
Хозяин – людям каравай.

Власть для политиков – игрушка,
Для них отличная кормушка,
Народ им нужен для игры,
Зачем им горе знать страны?

Живёт хозяин со страной,
Он для народа, как родной,
Страну в промышленность направит,
Накормит он, рублём одарит.

Жизнь за хозяйскою спиной,
Сравнима с каменной стеной,
Как меньше слов и больше дела,

В труде у нас страна запела.

Сейчас политика слова,
Народ весь сводит наш с ума,
Одни лишь цифры и приписки,
Навет, без подписи записки.

И врут, и врут они с экранов,
Народ весь держат за болванов,
Хозяин наш в тюрьме сидит,
На небо в клетку вверх глядит.

Политик-деспот всю страну,
Повергнет в новую войну,
Когда снаряды отгремят,
Жильё хозяин строит в ряд.

Россия-матушка, природа,
Всегда нам нужная погода,
Политиканов нужно гнать,
Нельзя страной им управлять.

Хочу, сынок, наказ свой дать –
Россию нужно защищать,
Не та в стране сегодня власть,
Не дайте Родине пропасть».

С отцом во сне я попрощался,
В объятьях крепких с ним обнялся,

Мой сон, как жизненный урок,
Пойдёт, на службе он мне впрок.

И вновь я раньше всех проснулся,
К окну я телом повернулся,
Снег плац военный засыпает,
Зима нет-нет, да наступает.

На улице ещё темно,
Снежинки липнут на окно,
Стекло хрусталик обнимает,
Смотрю, как от тепла он тает.

И тут же капля появилась,
На свет водица народилась,
Смотрю на это представление,
Есть жизнь, есть смерть, перерождение.

Есть день, есть ночь, есть сон грядущий,
Он мыслей наших в жизнь несущий,
Есть осень, лето, есть зима,
Весна всех будит ото сна.

И наша жизнь, как та снежинка,
Растает, на глазах слезинка,
Затем весна, жизнь, пробуждение,
Для Бога наша жизнь – мгновение.

Я первый день свой отслужил,
В душе так я его прожил,
Все говорят, что здесь мучение,
Пойдёт на пользу мне учение.

Лежал, час целый размышлял,
Армейский сон свой вспоминал,
Святой приснился и отец:
«Служи, – сказали мне, – юнец».

«Подъём!» – команда прозвучала,
Народ встаёт немного вяло,
Команда вновь звучит: «Отбой!»,
Прыжком в постель все с головой.

Затем ещё четыре раза,
«Подъём-отбой» звучала фраза,
Какие б сны нам здесь ни снились,
Вмиг просыпаться научились.

Зарядку нашу отменили,
Лопаты в руки нам всучили,
И с голым торсом на плацу
Закалка юному бойцу.

Снег целой ротой убираем,
Подальше за бордюры кидаем,
Затем его к земле трамбуем,
Со стороны смотреть – танцуем.

Зима ещё не началась,
Метель и выюга поднялась,
Сержант командами кричал:
«Для снега делаем причал.

Чтоб снега больше здесь принять,
Должны его мы трамбовать,
И вместо утренней пробежки,
Прыжки здесь, танцы без усмешки».

Да я не против поскакать,
Ногами снег к земле прижать,
Для нас нет лучше поединка,
С утра хорошая разминка.

Час снег мы с плаца убирали,
Как кенгуру на нём скакали,
Затем в казарму, расписание,
Рутинка – в армии призвание.

Так нам привили воспитание,
В труде армейское сознание,
Дни полетели, как фрагмент,
Настал ответственный момент.

Долг Родине своей отдать,
Присягу нужно нам принять,
Чтоб человек был полноценный,

Пройти обязан путь военный.

Присягу наизусть учили,
С утра до вечера зубрили,
За месяц мерки с нас снимали,
Парадный китель подгоняли.

Мы строим каждый день ходили,
Оружие с собой носили,
Шаг свой чеканный отбивали,
Всё песню хором запевали.

Настал наш первый день отваги,
Принять, так сказать, присяги,
На верность Родине, народу,
Нет, не партийному уроду.

Все офицеры при параде,
Медали, ордена в окладе,
Перчатки белые, льняные,
Ремень и кортик золотые.

От гуталина хром блестит,
Каблук с набойкой в такт стучит,
Гербы – на пуговицах – страны,
Рубашки нежной белизны.

Фуражки все под козырёк,
Над ним из золота ремешок,

Кокарда, как огонь, горит,
Звезда в кокарде той блестит.

И вновь в казарме в строй, в шеренгу,
Проводит ротный сам проверку,
Ремень на талии подтянет,
Иль шапку воину поправит.

Ко мне он тоже подошёл,
Изыянов в форме не нашёл:
«Орёл! – стучит ладонью в грудь, –
Слова присяги не забудь!»

Пред строем речь свою держал:
«День этот нам Господь всем дал,
Присягу примете Отчизне,
Сейчас она в социализме.

Вам Родина даёт понять,
Её нам нужно охранять,
Варяги если к нам придут,
Должны подставить их под кнут.

Должны врагов предупреждать,
В Россию нос нельзя совать,
Кулак наш этот нос найдёт,
Дай Бог, враг ноги унесёт.

Сегодня Родине клянётесь,

Что в час беды не отвернётесь,
Достоинo встретите врагов,
Мы защитим Отчизны кров.

Враги и день, и ночь мечтают,
Что газ и нефть от нас качают,
Мечтают, как нас угнетают,
На них работать заставляют.

Но Русский воин не таков,
Он видит всех своих врагов,
Пинка, ногой под зад, вставляет,
Домой в лохмотьях отправляет».

Закончил ротный для нас сказ,
Выходим строиться на плац,
Порошей снег кругом сверкает,
Зима, немного холодает.

Я задержался на ступеньках,
Есть дрожь несильная в коленках,
Кому сегодня присягаем,
Убейте – этого не знаем.

Стоят войска по ротам в ряд,
Блестит парадный наш наряд,
Оркестр выдувает медь,
Нам бы часа за два успеть

Принять присягу, расписаться,
Отчизне в верности признаться,
Обед свой праздничный принять,
По части просто погулять.

Ворота части распахнулись,
Бойцы все разом обернулись,
Автобусы въезжают в ряд,
Глаза родных на нас глядят.

Немного мы оторопели,
Когда ж они узнать успели
Присяги день и адрес части,
Подарок, так сказать, от власти.

Ничуть ребята не смутились,
В мужей Руси преобразились,
Подтяжка, выправка, осанка,
Им не нужна теперь служанка.

Я увидел свою маманю,
Сестру родную, в детстве няню,
В толпе родных они стояли,
Меня в строю они искали.

В строю солдаты на подбор,
Все близнецы, один набор,
Мамани взгляд, меня узнала,
Рукой своей мне помахала.

Ответить ей мне нет приказа,
А с уст её слетела фраза:
«Сынок, мы здесь, мы вновь с тобой,
Скажи, что видишь нас, родной».

Мамаши вмиг все замахали,
Сынов родных своих узнали,
Мы, неподвижные, стоим,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.